

Моим любимым и друзьям.

Ты, который позднее явишь здесь своё лицо! Если твой разум понимает, ты спросишь, кто мы? Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю, землю страдания и землю любимую! Кто мы? Мы – земля...

Послание древних майя, цитированное

Н. К. Рерихом и И. А. Ефремовым.

Вы не одни. Невидимые часовые приходят на помощь тем, чьё сердце горит во мраке Калиюги. Этот огонь будет возрождаться вновь и вновь, озаря сердца великих сынов человечества, вспыхивая в поцелуе влюблённых, питая вдохновение поэтов, сияя в глазах матерей, склоняющихся над младенцами.

Дмитрий Морозов. «Дваждырождённые».

ЗВЁЗДНОЙ ТРОПОЙ

Так от поколения к поколению передаётся жизнь – медленно, как растёт дерево, – а с нею передаётся и сознание. Какое поразительное восхождение! Из расплавленной лавы, из того теста, из которого слеплены звёзды, из чудом зародившейся живой клетки вышли мы – люди – и поднимались всё выше, ступень за ступенью, и вот мы пишем кантаты и измеряем созвездия.

Антуан де Сент-Экзюпери.

I

Солнце планеты Кеа похоже на земное. Каждое утро оно встаёт из моря густо-малиновым диском, поднимается над горизонтом, приобретая отлив расплавленного золота, и наконец полностью вступает в права дневного светила, чьё предназначение – щедро дарить тепло и свет всему живущему. Кусты фиалкового шиповника раскрывают навстречу дню чашеобразные белые и ярко-оранжевые цветы, а из береговых роц к кромке воды слетаются для каких-то утренних ритуалов сине-жёлтые большеклювые птицы убо и начинают важно вышагивать длинными ногами по мелководью. Дни в это время года обычно безоблачны, и солнце, подобное жар-птице, медленно плывёт в волнах небесного океана, наполненного светом и прозрачным огнём. Облака набегают к вечеру, чтобы освежить склоны и долины лёгким коротким дождичком и бесследно растаять с приходом темноты. Светило скрывается за грядой Синих холмов, леса в долинах тонут в быстро наступающих сумерках и наполняются голосами ночи, а в темнеющем небе загораются созвездия, многим из которых ещё не придумали имён. Ласковый плеск тёплого моря, фыркание ушастых тюленей, приплывающих с островов, игрища дельфинов в отдалении, шёпот ветерка и крики ночных птиц сливаются в чарующую песню, ритм которой задаётся дыханием прибоя. Это мир юный и одновременно очень древний. Предшественники – чуткие, как предрассветная тишина, и мудрые, как само время, подобно эльфам старых сказок или сидам кельтских мифов, – оставили людям Земли наполненную памятью о себе, но при этом как будто первозданную планету.

Ранним утром из посёлка школы «Звёздная тропа» вышел небольшой отряд. Младший наставник Тимо – высокий бронзовокожий юноша крепкого телосложения – вёл своих подопечных за Синие холмы, к озеру Эол. Подопечные – четверо мальчишек и две девочки возраста бессмертного Тома Сойера – не отставали, проворно карабкаясь по тропе, уходящей всё выше и дальше. Каждый нёс рюкзачок с лёгкой поклажей, а большой тент с системой крепления на любом рельефе доверили Робу – коренастому киберу-носильщику, замыкавшему шествие.

На гряде поднялись к середине дня. Посёлок остался далеко внизу, с перевала были хорошо видны разноцветные крыши его домиков среди парковых террас, спускавшихся к берегу, а немного в стороне – поле солнечных батарей. Дальше было только море, густо-синее и спокойное. По склону взбирались роци голубого граба, их пушистые кроны давали хорошую тень, но лес заканчивался ниже метров на двести, и широкий гребень холма оставался открыт. Тем не менее, это не смутило Тимо.

– Привал сделаем здесь, – сказал он, сбрасывая рюкзак, после чего издал характерный мелодичный посвист.

Подбежавший на призыв кибер извлёк из транспортного мешка тент, который быстро и слаженно растянули на телескопических стойках и якорьках. Ребята с весёлым гвалтом расселись на сухой серебристой траве, только большеглазая Анита, немного помедлив, подошла к застывшему в стороне Робу и благодарно погладила его по куполообразной

голове. Кибер издал довольное ворчание, а девочка подседа к своим, обняв колени и устремив задумчивый взгляд в сторону моря.

– Смотри, как красиво. – Яромир одной рукой коснулся её плеча, а другой указал туда, где на склоне холма был скальный выход. И громче, уже для всех, повторил:

– Смотрите, как красиво!

Кварцевая друза, отражая солнечные лучи, вспыхивала разноцветными огоньками. Раздались радостные возгласы, а братья-непоседы Рам и Баки моментально вскочили и начали пританцовывать, поочерёдно выбрасывая руки в разные стороны. К ним тут же присоединилась шустрая Юми, включив отлично поставленные движения бёдрами.

– Вот она, великая сила красоты! – полушутливо прокомментировал происходящее Тимо. – Сюда взбирались из последних силёнок, а увидели сверкающую друзу – и танцуют как свеженькие.

– Хорошо жить на свете! – весело прокричал Рам, а Юми, положив одну ладонь ему на плечо, а другую – на плечо Баки, сказала:

– Когда мы дойдём, я спрошу у Матушки, какая планета ей нравится больше – Кеа или Земля.

– В фильмах Земля очень красивая, похожа на нашу планету, только разнообразнее, – вступил в разговор серьёзный Лорки, немного ревновавший Юми к ребятам.

– Да, горы выше, и больше климатических зон, – заговорил Тимо. – Есть высокогорные льды и полярные шапки, полностью отсутствующие здесь. У вас скоро начнётся курс сравнительной планетологии, будете её знать не хуже, чем я.

– Земля очень красивая. Но если так, зачем наши предки улетели оттуда? – продолжил свои мысли Лорки.

– Затем же, Лорки, зачем мы сейчас идём из посёлка к озеру, – ответил Тимо и ободряюще улыбнулся слегка застенчивому собеседнику. Тот возразил:

– В посёлок мы вернёмся, а они улетели безвозвратно.

– Не так драматично, друг мой! – начал объяснять Тимо. – Я сделаю другое сравнение. Вот ты окончишь школу и уедешь на новое место. Будет ли твой отъезд безвозвратным?

– Нет, я ведь смогу возвращаться сюда.

– И первые переселенцы тоже могли вернуться на Землю, некоторые позже так и сделали.

– Наверное, это не совсем то, что ты хотел мне объяснить, но кое-что я понял, – медленно, как будто обживая новую для себя мысль, произнёс Лорки. – Это был для них этап роста.

– Я согласен с тобой. – Тимо, сидевший в кругу ребят, дружески сжал Лоркино предплечье. – Мы все проходим свои этапы роста, для наших прабабушек и прадедушек одним из таких этапов было заселение Кеи.

– Тимо, – подала голос Анита, – а уход отсюда Предшественников был их этапом роста?

– По-моему, да. Они завершили белковую стадию эволюции жизни, а до того это были люди, почти такие же, как мы, – кеанцы. В легендах древних народов Земли остались рассказы о личностях, перешедших на следующий уровень эволюции, но как это происходит с целыми цивилизациями, мы пока не знаем. Предшественники мастерски использовали технику гун-фу минимальных следов: законсервировали объекты культуры, в том числе археологические, оставили нам четыре поистине бездонные хранилища знаний, соединённые со станциями внешней связи, оставили несколько мощных энергостанций, все прочие артефакты убрали, как будто их и не было. Куда они ушли?

Связаны ли они со сверхцивилизациями, от которых приходят непонятные сообщения?.. Что-то мы об этом узнаем, когда вернётся «Далёкая заря»...

Корабль землян «Далёкая заря» вышел на траверз Кеи в прошлый сезон штормов. Это не был привычный кеанцам «Вестник», курсировавший между планетами раз в пять-шесть лет. Пройдя мимо Кеи и оставив для неё рассказ об искусстве и открытиях землян последнего времени, приняв аналогичный пакет информации от пока немногочисленной колонии кеанцев, «Далёкая заря» вновь ушла в субпространственную пульсацию, временно исчезнув из проявленной вселенной. Цель экспедиции, на которую впервые смогли отважиться люди, состояла в установлении не опосредованного направленными передачами (то есть с задержкой на тысячелетия) контакта с очень древними мирами населённого пояса вблизи галактического центра. Через семь кеанских лет, немного превосходящих семь лет земных, ожидалось возвращение корабля и его посадка на планету перед последним субпространственным нырком в сторону Солнечной системы. Из множества добровольцев в эту небывалую экспедицию Земля отобрала двенадцать своих наиболее подготовленных представителей. Шестерых сыновей и шестерых дочерей Земли, движущиеся в стремительном танце, видела на своих экранах вся Кеа.

Тимо продолжал размышлять вслух, и ребята притихли. Но Анита не слышала его, она вновь унеслась в воспоминаниях к событиям прошедшей ночи...

В это время года – период поездок и путешествий – посёлок пустовал, ребята вместе с Тимо занимали только один из домов. Ночью спальная комната Аниты нажатием клавиши превращалась в открытый портик с прозрачным потолком, продуваемый нежным бризом. После почти бессонной предыдущей ночи в обсерватории и насыщенного дня Анита растворилась в тихой музыке сна, едва коснувшись щекой подушки, и звёзды, охраняющие сон девочки, начали вести над ней свой неспешный хоровод.

Проснувшись она немного за полночь с ощущением присутствия чуда. Ещё не вполне осознавая происходящее, Анита открыла глаза и увидела настолько необычного гостя, что, не дыша, замерла в ожидании. В двух шагах от её постели стоял серебристо-белый волк и смотрел на девочку внимательно и дружелюбно (хотя волки на Кее не водились, Анита хорошо знала этих животных по фильмам о Земле). Ночной гость не был обыкновенным зверем: от его густого меха исходило лёгкое, призрачное свечение, а взгляд его синих сияющих глаз, вне сомнений, принадлежал разумному существу.

«Кто ты?» – одними губами спросила девочка. «Зови меня Акелой, мне нравится это имя из одной очень древней сказки, – мысленно ответил пришелец. – Здесь, в одном шаге от тебя, начинается звёздная тропа. Хочешь, погуляем по ней вместе?» – «Да, – также беззвучно откликнулась Анита, радуясь совпадению с названием школы. – Очень!» – «Я жду тебя снаружи», – ответил Акела и исчез.

Не сомневаясь ни секунды, с затаённым ликованием, Анита моментально оделась и выбежала в ночной парк. «Садись мне на спину!» – крикнул выпрыгнувший из темноты волк – и они помчались над кронами деревьев, постепенно набирая высоту. Внизу пронеслись огни береговых посёлков, рощи, холмы, скальные останцы, стоящие вечным дозором на подступах к Обсерваторной горе, а потом открылась тёмная поверхность озера, в которой отражались многочисленные звёзды. Анита была уверена, что видела, как на берегу, поодаль от освещённого домика биостанции, стоит Матушка Геа и машет им рукой.

Видение быстро пропало. Теперь они мчались в космическом пространстве, навстречу летели звёзды, и когда проносились мимо, Анита ощущала кожей их дыхание.

Раскалённые бело-голубые гиганты выбрасывали на миллионы километров струи пламени, обдавая её своим жаром; короны разновеликих красно-оранжевых звёзд напоминали растрёпанные шевелюры и бороды меднокожих рыжеволосых мореходов далёкой древности Земли, стоявших на палубах своих кораблей и провожавших её взглядом; ласковые жёлтые солнышки дышали теплом и приглашали остаться на своих гостеприимных планетах, но девочка и волк летели дальше, среди сияния разогретых газопылевых туманностей, среди звёздного света и провалов тьмы.

Затем исчезли и звёзды – промчались, оставшись позади, – и дальше распахнулась чёрная бездна жуткой космической пустоты с редкими бледными вкраплениями далёких галактик. «Куда же мы летим на такой невозможной скорости?» – успела подумать Анита, но в следующее мгновение Акела выполнил разворот и опустился на чуть подсвеченную площадку, уютно повисшую в пространстве среди чёрной ночи. Перед ними, как на экране кинозала, сверкая сотнями миллиардов солнц, стояла Галактика – родная и неопишимо красивая. Анита видела её слепящее ядро, в котором молодые звёзды совершали немислимую пляску, видела разбегающиеся от центра спиральные рукава и понимала, что это ослепительное великолепие – всего лишь неуловимая искорка, куда-то летящая в Беспредельности. «Огоньки жизни горят в пространстве в потоках энергии звёзд, – вспомнились слова учителя Мир Атама. – Как вспыхивает с восходом поверхность океана, загорается человеческая мысль в лучах Солнца Духа, встающего над глубинами коллективного бессознательного. Также и весь проявленный мир – он подобен искрящимся граням изумительно красивого кристалла, составляющим лишь тонкий слой, ничтожную его часть». «И каждая искорка – целая галактика», – подумала Анита.

Волк застыл рядом, устремив взгляд на их звёздный дом. На галактическом диске (или всё-таки где-то в сознании Аниты, проецируясь на галактический диск?) загорелись два голубых огонька. «Кеа и Земля», – пояснил Акела, не отрывая взгляда от сияющей картины. И только когда ближе к её центру вспыхнула ярко-зелёная звёздочка, удовлетворённо потянулся и улёгся у края площадки, положив морду на передние лапы: «"Далёкая заря", у них всё благополучно». Только теперь девочка поняла, как она волновалась все эти месяцы за экипаж звездолёта, ушедшего в неизвестность. «Спасибо, друг», – она села рядом и обняла Акелу за могучую шею, наполняясь ощущением покоя...

Анита лежала на дне реки, что течёт где-то вне времени, омывая берега разных пространств, и смотрела через толщу бегущей воды в рассветное небо, прислушиваясь к новым для себя ощущениям. Река как будто уносила всё, что было с ней раньше, делая эти события лишь отдалёнными воспоминаниями, и готовила её к выбору своего пути. «Ты становишься большой, девочка, пора найти свою звёздную тропу», – услышала Анита мамин голос, прозвучавший где-то внутри неё, и почувствовала, как воды реки её подхватывают и уносят.

Она плыла среди знакомых берегов и видела родителей, танцующих в старинном сооружении, которое археологи Кеи по аналогии называли амфитеатром. Известная танцевальная пара, папа с мамой репетировали предстоящее выступление, и девочка послала им мысленный привет, исполненный нежности и радостного предчувствия, – ведь выступление будет в «Звёздной тропе»!

Как будто дуновение ветерка перевернуло страницу, Анита вновь оказалась среди звёзд и увидела другую пару танцующих. Внутри летящего в пространстве корабля, на широкой площадке, окружённой экранами панорамного обзора, мужчина и женщина, казалось, самым полётом изумительных тел исполняли космическую песню любви, движущей мирами. «Мы переместились в прошлое, – прозвучали где-то рядом слова Акелы. – Ты видишь звездолёт Предшественников, приближающийся к Солнечной

системе. На Земле – Век Сингулярности, время больших перемен».

Опять пришёл в движение лёгкий ветерок, листающий целые пространства, и видение растаяло. Теперь Анита увидела молодую женщину – необычно белокожую, с зелёными, как озеро Эол, миндалевидными глазами. Удобно расположившись в кресле, вытянув сильные, стройные ноги в обтягивающих брюках цвета индиго, незнакомка летела в большом воздушном корабле – за прямоугольным окном с закруглёнными краями проплывали снеговые горы облаков, а далеко под ними расстился океан. Пряди её волос, искрящихся в солнечных лучах, струились по вискам, затем немного отступали к затылку, открывая серьги в виде свёрнутых в спирали серебряных змеек, и спадали на плечи, лаская стройную шею и чуть выступающие ключицы.

Через какие-то странные, очень маленькие наушники, соединённые тонкими проводами с плоским пеналом, зеленоглазая слушала песню на совершенно неизвестном Аните языке. Тем не менее, девочка понимала слова. Чистый женский голос, как будто подхваченный лёгким и стремительным потоком, пел о свободе мчаться со стаей дельфинов и о том, как волны моря несут героине песни долгожданное обновление. «Ты тоже рождаешься для нового», – поняла Анита, мысленно обращаясь к незнакомке из далёкого века, и зелёные глаза той встретились с её тёмно-карими глазами. «Какая красивая!» – выдохнула женщина. «Это она обо мне?» – успела удивиться Анита прежде, чем новое дуновение ветерка перевернуло очередную страницу. В следующее мгновение девочка обнаружила, что сидит на своей постели...

– Пойдёмте дальше, Матушка Геа и Мир Атам ждут нас. – Тимо встряхнул гривой чёрных волос, ловко поднялся, одновременно надевая широкополую шляпу, и закинул за спину рюкзак. Ребята с готовностью вскочили, только Анита вновь помедлила несколько секунд, продолжая созерцать морскую синь. В такие минуты её большие глаза – обычно тёмно-карие, почти чёрные – вдруг приобретали фиалковый оттенок. Друзья привыкли к этой её особенности, и только Матушка Геа временами смотрела на девочку особенно внимательно. Яромир подал руку, Анита ухватилась за его ладонь и проворно поднялась (они так и шли дальше, держась за руки). Тент свернули, не мешкая; Баки опередил Лорки, предложив Юми глоток из своей фляги, сделал глоток сам, и ребята продолжили поход, а вслед за ними поспешил их верный кибер.

– Лорки, – негромко и доверительно позвал Тимо, когда они поравнялись на ходу. – По-моему, ты повторяешь распространённую в прошлом ошибку, стараясь во всём отвечать запросам Юми. Будь собой, раскрой свои интересные черты – тогда ты станешь интересным и для неё. Ты понимаешь меня?

Лорки коротко кивнул.

Тропа нырнула в тенистые заросли хвойных красавцев, чьи длинные мягкие иголки источали тонкий бодрящий аромат, и повела с незначительным уклоном вниз. Среди высоких крон носились и гомонили разноцветные стайки пернатых, водившихся на Кее в изобилии. Анита раскрыла ладонь, чтобы ещё раз полюбоваться найденным на перевале голубым полупрозрачным камешком с вкраплениями золотистых звёздочек («как галактики в космосе»), улыбнулась, показала находку Яромиру и спрятала её в кармане шорт.

Сброс высоты был недолгим, в течение следующих трёх часов тропа вела извилистой ложиной вдоль бегущего навстречу ручья, иногда отдаляясь от него и забирая немного вверх, чтобы срезать особенно замысловатый поворот русла. Наконец ребята перевалили небольшой водораздел, и наметился устойчивый спуск, а в просветах между

ветвями показалась малахитовая гладь огромного озера. Слева от тропы на границе леса стояло здание биостанции – добротный сложенный сруб, который венчала высокая двускатная крыша. Пропитка не только защищала дерево от гниения, но и придавала ему радостный оттенок светлого янтаря. В стороне, возле воды, виднелась оранжевая полусфера лодочного ангара, а сразу за домом начинался широкий песчаный пляж, посреди которого, созерцая бескрайнюю озёрную даль, стояла Матушка Геа.

Обернувшись, она улыбнулась гостям, обняла стремительно подбежавшего Тимо, расцеловалась с каждым из учеников и, подобно Аните на перевале, ласково потрепала Роба по кремнепластиковому корпусу: «Спасибо, трудяга!»

– Мир Атам на воде? – спросил Тимо.

– Гораздо дальше, далеко за озером, – ответила Геа.

– Что-то новое?

– Да, и очень интересное. Он вернётся к закату и расскажет об открытии. А сейчас идёмте располагаться.

Изящным станом и гладкой, упругой кожей Геа ничем не отличалась от любой ровесницы Тимо, и только две-три серебряные нити в прядях чёрных волос, едва заметная сеточка морщинок возле глаз, да сами глаза – желтовато-карие, таящие целые миры, – говорили о том, что их обладательница относится совсем к другому поколению. Геа была среди первых переселенцев с далёкой Земли. Её имя и означало «Земля», а Матушкой её называли в школе «Звёздная тропа» уже очень давно...

II

Мир Атам вернулся, когда небо ещё не догорело закатными красками. Мягко посадил «жука» рядом с домом, откинул блистер и, легко спрыгнув на песок, заключил Гею в объятия. Пока на берег опускалась ночь, они вдвоём стояли рядом, с наслаждением принимая ласку прохладного ветерка, и провожали последние отблески гаснущей над озером зари.

Мир был неутомимым исследователем и отважным землепроходцем, чьи руки умело держали и штурвал «жука», и геологический молоток, и кельтскую арфу. Ещё в молодости, на Земле, он заведовал огромным биосферным заповедником северной Евразии, а после стал одним из первых добровольцев – основателей кеанской апойкии землян. Могучего сложения, с устремлёнными к горизонту голубыми глазами, с коротко остриженной рыжеватой бородкой и куском выцветшей материи, повязанным поверх волос, он водил экспедиционные отряды в самые отдалённые уголки новой планеты, самозабвенно изучал её планетографию и биологию и обустроивал жизнь на ней. Здесь, на Кее, Мир Атам близко сошёлся с молодой художницей и психологом Геей Лин, которая стала его возлюбленной. После того, как у переселенцев стали появляться и подрастать дети, раскрылись педагогические таланты этой пары, связавшей свою жизнь со школой «Звёздная тропа»...

Радостно взметнулось в тёмное небо пламя костра. Когда образовались первые угли, ребята принялись печь мясистые плоды дерева сид, а Роб молниеносно разместил на небольшом столике кувшины с напитками из ягод, чаши-кубки, выполненные из разноцветного стекла и обсидиановую вазу, наполненную сочными фруктами. С одного края извилистую прозрачную крышку столика украшала цитриновая друза, с другого располагался необычайно крупный кристалл мориона, вызвавший у ребят затаённый восторг.

– Тимо, это что за минерал? – прошептала Юми.

– Это очень редкий здесь чёрный кварц, – также тихо, поддерживая игру, ответил

юноша. – На Земле его раньше использовали в магии за способность смещать точку восприятия и открывать канал связи с иными мирами.

– Без звездолётов и станций внешней связи? – удивился Лорки.

– Без них, – подтвердил Тимо. – Но в отличие от них, морион сможет открыть только то, что уже содержится в глубинах коллективной души человечества, и ничего сверх того.

Рам взял из вазы персик, вслух заметив, что обсидиан, из которого она сделана, символизирует космическую ночь, в которой, тем не менее, неизбежно зарождается жизнь в виде таких замечательных, солнечных фруктов. Все, включая Тимо, весело рассмеялись и потянулись к вазе.

– Мы увлеклись горными породами и фруктами и не обратили внимания на замечательное произведение Матушки, – продолжил младший наставник. – Посмотрите, как мастерски она расписала кувшины.

– Да, я давно смотрю, – отозвалась Анита. – Там парящая птица, здесь пейзаж с холмами и рекой, а вот на этом кувшине – горы, как на Земле, и воздушный корабль над ними. И, как всегда на картинах Матушки, всё по правде, так что хочется шагнуть прямо туда.

Мир Атам наполнил и осушил свою чашу, вновь наполнил и подсел к костру, придерживая левой рукой старинный музыкальный инструмент – ирландскую, или кельтскую арфу.

– Рад видеть вас, друзья! – со спокойной весёлостью он оглядел гостей, притихших в ожидании тайны. Давно ли Мир Атам принял в свои ладони их с Геей первого сына Кей Дара, или Кеодара, как его стали звать сверстники? И вот, вокруг вечернего костра сидят представители поколения правнуков, уже третьего поколения, для которого не Земля, а Кеа – родная планета. Между переселенцами и родившимися здесь существуют даже незначительные и вполне ожидаемые антропологические различия, но и тех, и других объединяет общая наследственная память, измеряемая геологическим временем.

Не произнося более ни слова, Мир Атам заиграл незнакомую мелодию, сразу же захватившую всех. Удивительные звуки, извлекаемые руками мастера, бежали сотней ручьёв, рассыпались мириадами сверкающих на солнце капель, на мгновение замирали и, повернув вспять, к своему источнику, вновь сливались в общий стремительный поток. Переливчатые трели, то нарастая, то затихая, зазвучали на фоне ритмичного рокота басов и вплелись в ткань усложняющейся мелодии, в которой ребятам чудились весёлые игры в волнах, а Тимо представлял себе, как они вдвоём с младшей наставницей Элой мчатся под ослепительно белоснежным, тугим от ветра парусом среди солнца, пены и брызг. Матушка Геа взяла высокую ноту, и её сильный и чистый голос зазвучал поверх аккордов арфы, увлекая слушателей то в синь безоблачного неба, то в прозрачную глубину наполненного солнечным светом моря...

Чудесная мелодия затихла, и окружающее пространство постепенно вновь наполнилось ночными голосами и шорохами. Во внешнем мире что-то неуловимо изменилось, как будто возле их костра сблизилась силовая линия времени, уплотнив его ход. Громче и отчётливее затрещали в огне сучья.

Первым нарушил молчание Яромир:

– Мир Атам, это вы создали такой шедевр?

– Нет, Яр Мир, не я, – отозвался учитель. – Я только обработал мелодию, которую мне подарили дельфины в Посейдонии.

– Вы сейчас оттуда? Это у противоположного берега субконтинента! – воскликнул Баки.

– Да, Баки, там, на базе морских археологов, которой заведует Кеодар, я провёл

последние три дня.

– В Посейдонии находится один из самых интересных артефактов, оставленных Предшественниками – Эргам, или Световой орган, – заметил Тимо.

Ребята дружно подтвердили, что знают, о чём говорит младший наставник: сумрачный зал на глубине пятнадцати метров, вдруг загорающийся при приближении батискафа рядами вертикальных световых колонн, похожих на трубы старинного органа, они видели в фильме по кеанской археологии. Трубы мерцали и меняли цвета по мере того, как батискаф проплывал вдоль них, а когда покидал зал – гасли.

Мир Атам тоже кивнул в знак подтверждения:

– Как раз на Эргаме мне и наиграли эту музыку. Я предвидел что-то подобное как результат программы «Пелагея».

– «Пелагея»? – переспросил Лорки. – Это та программа, в ходе которой на Кее были выведены дельфины – генетические потомки разных подвидов земных афалин?

– Совершенно верно, Лорки, – продолжил Мир Атам. – И здешние «бутылконосые» в результате получились даже более разумными, чем были и остаются их земные сородичи. Позавчера мне это доказали в Посейдонии, где я работал в кальдере древнего вулкана – одного из тех, что ушли под воду миллионы лет назад. Быстро управившись со съёмкой и сбором интересовавших меня водорослей, я решил проведать Световой орган. После мрачной кальдеры, оставляющей зловещее впечатление, было отрадно встретить стайку неизменно жизнерадостных дельфинов. Те окружили батискаф и сопровождали его до самого входа в подводный зал, а как только вспыхнули световые колонны – умчались вперёд и начали весёлую пляску. Они собирались вместе, а затем стремительно разлетались в разные стороны, как на фресках Древнего Крита, и Эргам откликнулся на их движение. Вы знаете, что на рыб и моллюсков он практически не реагирует, на людей отзывается индивидуальной цветовой гаммой, в зависимости от психоэнергетики человека. Но дельфины вызвали каскады красочных огней!

– Неужели раньше никто этого не замечал? – высказал общее удивление Рам.

– Ни разу работающие там морские археологи не видели, чтобы дельфины подплывали к Эргаму, – ответил Мир Атам. – Не зарегистрировали этого и автоматические камеры. Теперь понятно, что «бутылконосые» долго присматривались к Световому органу издали и даже изучали наше взаимодействие с ним. Почему они доверили именно мне свою мелодию, я не знаю.

– Может быть, у них из поколения в поколение передаётся память о программе «Пелагея», в которой вы принимали непосредственное участие? – предположил Тимо.

– Я уверена, что дельфины знают всех участников программы и передают эти знания потомкам, – сказала Матушка Геа. – Вы для них настоящие демиурги.

– Да, это пока что самое вероятное предположение, – согласился Мир Атам. – Так или иначе, увиденное мной было удивительно! Пульсации световых колонн и их цветные переливы подчинялись ритмической закономерности, которую мне осталось только записать, переведя цвета в звуки.

– И получилась Дельфинья соната! – обрадовалась Юми.

– Удачное название, – поддержала её Матушка. – Как ты думаешь, Мир?

– Согласен, – отозвался Мир Атам. – Поздравляю вас, друзья, вы первые – после Геи, конечно, – он улыбнулся своей другине, – слушатели Дельфиньей сонаты. Завтра эта музыка будет передана для всей планеты и, при положительном решении Совета, уйдёт в космос по каналам направленных передач, пополнив культурное поле нашей Галактики.

– И дельфиний народ станет галактическим, – произнесла Анита, вспоминая песню, которую слушала прошлой ночью вместе с зеленоглазой женщиной из другого мира.

Чёрное небо усеяла россыпь далёких звёзд, среди которых затерялась крупным топазом Марсана, следующая после Кеи планета её солнца. Пока ещё высоко стояла половинка маленькой кеанской луны. Но скоро она опустится к горизонту и высветит дорожку на поверхности озера, так что будет невозможно отказать себе в радости прокатиться вдоль неё на йоле, урвав завтра для сна часть дневного времени. Вдоль дальнего холмистого гребня перемигивались огоньки подсветки древней, выложенной базальтовыми плитами циклопической дороги. Теперь по ней проходит часть линии поездов на магнитной подушке, соединяющей подножие Обсерваторной горы, Солнечный Портал – главный посёлок колонистов – с космопортом на плоскогорье Индра и далее с континентальной станцией внешней связи.

Чувствуя настроение ребят, Мир Атам посмотрел на небо, затем перевёл взгляд в сторону озера, поплёскивавшего при свете звёзд, и сказал:

– Друзья, у вас ещё есть время, чтобы искупаться, а после будем вместе выводить судно из ангара.

Ребята радостно умчались к озеру. Мир Атам поднялся, чтобы размять ноги, сделал несколько пружинистых наклонов в стороны. К нему подошёл Тимо:

– Мир Атам, я уклонюсь от общего веселья и прошу Вас одолжить мне до утра «жука».

Получив согласие, младший наставник пожал руку учителю, тепло обнялся с приблизившейся Матушкой, и, стремительно развернувшись, бегом отправился к воздушной машине.

Через четверть часа юноша опустится к северу от озера на поросшем серебристой травой плато, где его уже ждёт Эла. Они станут счастливо смеяться и разговаривать наперебой, и Тимо, сам отлично сложенный, будет исподволь любоваться восхитительным и почти не прикрытым телом подруги. Он прокатит девушку над ночными холмами и, конечно, расскажет ей о Дельфиньей сонате, а Эла, наверное, поделится чем-нибудь интересным о раскопках, в которых участвует вместе со своими ребятами. Обоих захватит пьянящее головокружение летней ночи, и под звёздной бесконечностью, среди высоких, раскачивающихся на ветру трав их красивые тела переплетутся в порыве прекрасной и дикой, как сама природа, страсти...

– Мир, у меня тоже открытие, – сказала Геа, когда они остались вдвоём. – С Анитой вступили в контакт Предшественники.

– Это точно, Лин? – спросил Мир Атам.

– Это точно. Контакт, как обычно, через сновидение, в облики земных архетипов. К Аните приходил Акела, мой давний собеседник.

Помолчали. Мир Атам смотрел на возлюбленную, ожидая продолжения.

– Подробностей я пока не знаю, Мир, – улыбнулась Геа. – С Анитой мы условились пообщаться завтра, после вечерней тренировки. А пока что идём резвиться с молодёжью!

Она приблизилась и нежно провела ладонью по его щеке:

– А когда все угомонятся, последуем примеру младших наставников.

– Я только занесу в дом арфу.

...Взявшись за руки, Геа Лин и Мир Атам выходили на берег озера, оглашаемый весёлыми криками учеников.

СИЛА ЛЮБВИ

Но свет у тебя за плечами,
Такой ослепительный свет...

Николай Гумилёв.

Если верить висевшему на остановке расписанию, автобус должен был подойти через десять минут. Старая асфальтовая дорога, делающая здесь петлю и выводящая на столичную трассу в двух километрах к востоку, была пустынна. Василиса повернулась в сторону солнца, садившегося за темнеющий вдаль еловый лес, сцепила поднятые над головой руки и потянулась. Её великолепное, тренированное тело на секунду замерло, подобно готовой зазвенеть струне, и в безотчётном счастье юная женщина воскликнула:

– Завтра я полечу вслед за Солнцем! По небу мой путь – туда, где меня давно ждут! – и закружилась на месте.

– «На закат, где дрожат паруса», – ответил Кир, смотревший на неё с нескрываемой нежностью. Оставаясь в свои двадцать девять романтиком и фантазёром, он видел в мире присутствие тайны, которая вплеталась в повседневную жизнь, наполняя её вдохновляющими образами, и поддавалась описанию только на языке ярких метафор.

– Да, и где солёные брызги и ветер в лицо, я их уже чувствую кожей... Я увижу два океана («ты – тайна двух океанов», – улыбнулся про себя Кир), колониальные города с восхитительными зданиями, буду идти по их улицам и любоваться открытыми и жизнерадостными людьми, – произнесла Василиса, одаривая его взглядом продолговатых («марсианских», – думалось Киру), лучистых зелёных глаз настоящей ведьмы.

– А потом будут горы... – продолжила она, помолчав. – Понимаешь, мне очень нужно туда лететь, где-то там мой центр притяжения, и он меня зовёт.

Конечно, он понимал. Однажды в жизни наступает момент, когда наш мятущийся дух в поисках смысла требует от нас вырваться за пределы привычных рамок. И тогда от неординарной личности следует ждать неординарного прорыва...

Кир помнил, как в первый раз оказался у Василисы дома. Юная женщина танцевала, импровизируя, под незнакомую ритмичную мелодию. Одета в одну короткую рубашку (в точности Нэн Катти Сарк!), с лукавой улыбкой на алых губах, с поднятыми к вискам ладонями, она переступала длинными дивными ногами, изящно скручиваясь в тонкой талии и умопомрачительно двигая бёдрами... А после, скрестив ноги, неподвижно сидела при погашенном свете и всматривалась в полумрак студийного пространства своего жилья (или в какое-то другое измерение?), её кожа белела в темноте, а глаза (или это только казалось Киру?) светились глубинным зелёным огнём. С тех пор, не раз убедившись в способности Василисы видеть нездешние образы – «как будто из другого пространства» – и предугадывать, что должно произойти, Кир быстро понял то, что в начале лишь чувствовал: он имеет дело с ведьмой. Не с персонажем страшных сказок не в меру христианизированного человечества, а с самым совершенным творением эволюции – с красивой, весёлой, знающей о своей внутренней силе женщиной, которой многое открыто и которая бесстрашно следует за своей интуицией. Впрочем, Кир был уверен, что каждая женщина – ведьма, только пока это не во всех раскрыто так ярко, как в его подруге.

Он с тихим изумлением следил, как, преодолевая всевозможные препятствия, непонимание, а порой и враждебность окружающего мира, Василиса движется к своей интуитивно угадываемой мечте: всем существом, всей юной плотью впитать жизнь южноамериканского материка, этого «альтер эго» старушки-Евразии, прикоснуться к его местам силы, посетить его города и деревушки, берега его горных озёр и океанские побережья. Зачем? У неё не было рационального ответа на этот вопрос, как нет его у собирающейся в путь перелётной птицы.

На свой день рождения, когда дом был полон народу, Василиса увлекла Кира от гостей на кухню, привычным движением заколола рассыпавшиеся светлые волосы,

попросила разлить шампанское по двум большим бокалам и негромко произнесла, приблизившись и глядя ему в глаза:

– Давай выпьем за мечты. Я получила предложение от фонда Риан Айслер, творческая работа в Боливии, Бразилии, Аргентине и Чили.

Так мечта двадцатипятилетней ведьмы, зарабатывающей на жизнь трудом преподавательницы танцев и независимой журналистки, начала осуществляться. Все формальности были решены быстро, и вот, «час Ч» приближался: завтра Василиса на долгие месяцы простится с привычной обстановкой и через четырнадцать часов лёта приземлится по ту сторону экватора и Атлантики. В Южном полушарии сейчас зима, но она летит надолго и встретит там и весну, и лето, и, может быть, новую зиму тоже...

Последнюю перед отлётом неделю Кир пригласил подругу провести здесь, в посёлке Альтаир, населённом молодыми пассионарными ребятами и девушками – педагогами-коммунарами новой волны и их воспитанниками. Свой идеал новые коммунары видели в «Туманности Андромеды», а смысл жизни – в посильном приближении этого идеала. Интересуясь всем – от трансперсональной психологии до проблем освоения космоса – и веря в возможность создания подлинно гуманного общества, они отнюдь не выглядели чужаками «не от мира сего», что делало их уникальным явлением современности. Впрочем, спустя полсотни лет будущий историк мог бы написать в каком-нибудь своём труде, что в эти годы особенно ощущалось дуновение ветра времени, мир менялся стремительно, и то, что вчера казалось большинству причудливым и непонятным, сегодня начинало приобретать новый смысл, а тот, кто ощущал этот ветер времени и не прятался от него, обеспечивал себе трудную и полноценную жизнь состоявшейся личности.

– Что самое главное в жизни? – внезапно спросила Василиса.

– Любовь, – не задумываясь, ответил Кир. Ему нравилась эта её манера задавать важные вопросы совершенно неожиданно, вызывая непосредственный, не подготовленный заранее ответ.

– Верно, любовь.

Взмахнув длинными ресницами, Василиса продолжила с возрастающим воодушевлением:

– Клара из фонда Айслер – замечательная женщина, я рассказывала тебе – считает, что миром движет сила любви. *La fuerza del amor*, – она повторила по-испански слова своей чилийской подруги. – И девушки вчера у костра о том же говорили, в самую суть смотрят. А молодые люди почему-то при этом рассуждали об очень умных, но совершенно второстепенных вещах. Они как будто боятся сказать о самом важном и прячутся во вторичных разговорах.

– Очень меткое наблюдение! Но поверь мне, что бы мужчины из себя ни воображали, какими бы учёными мужами и деловыми людьми ни прикидывались, для них то же: самое важное – любовь. Если это, конечно, чего-то стоящие мужчины. Просто наша культура сейчас такова, что не все решаются это признать.

– То-то, «учёные мужи»! – Василиса рассмеялась своим грудным контральто – и Кир рассмеялся вместе с подругой беззаботно и счастливо. И стало легко, как будто не предстояло долгой разлуки с прекрасной, единственной во всём мире, любимой женщиной, с этой зеленоглазой ведьмой. Отступило до того незаметно подкатывавшее отчаянье, ощущение спокойной силы наполнило сердце, и пришла уверенность: для настоящей, сильной любви никакая разлука не страшна.

– Когда ты улетишь, я буду писать фантастическую повесть. Есть у меня такая задумка. Представь, как будто наши альтаирские вундеркинды соорудили из подручного электронного хлама какую-то уникальную установку для приёма сигналов из космоса и поймали сообщение о летящем к Солнечной системе инозвёздном корабле. Причём приземлиться он должен чуть ли не на поле перед Альтаиром. И вот, собрались мы всей своей большой командой и обсуждаем, кто они, летящие к нам. Говорим о технических чудесах, о парапсихологических способностях пришельцев, вспоминаем про идею

палеоконтакта, спорим – каждому есть что добавить в общую копилку... – а звездолёт летит. Он сферической формы, прозрачный – так что изнутри видны бездны космоса во всех направлениях, а когда корабль ныряет в очередную складку пространства, целые миры звёздной метелью проносятся мимо. Ритм движения корабля соответствует ритму мелодии, которая звучит внутри сферы, где двое – Он и Она – на плоскости, что делит сферу пополам, исполняют танец необыкновенной красоты. И в этом танце выражено всё: вся красота и полнота жизни, борьба, торжество, восхождение, страсть, любовь... всё то, ради чего и стоит жить.

– Красиво... – тихо ответила Василиса.

Придорожные заросли иван-чая в лучах закатного солнца казались пылающими багровым огнём. Шины прошуршали по старому асфальту, автобус плавно подкатил к остановке, с негромким шипением отъехала в сторону входная дверь.

– Ну вот, мне пора, – Василиса обняла его, как это умела делать только она, когда весь внешний мир отодвигается куда-то далеко, и остаются только два сердца, сливающиеся воедино.

Подхваченный волной несказанной нежности, с подступающими катарсическими слезами, Кир прижал подругу к себе и зашептал слова прощания:

– Я всегда с тобой, что бы ни случилось... до будущей встречи!..

Водитель нетерпеливо просигналил. Ещё раз крепко обняв друга, Василиса вскочила на площадку автобуса и взмахнула рукой в прощальном жесте.

– Я напишу, как только долечу и устроюсь. Спасибо тебе за всё!

Кир возвращался в сгущавшихся сумерках. Справа вдоль пустынного просёлка тянулся старый бетонный забор, ограждавший территорию какого-то заброшенного объекта бывшей курортной инфраструктуры; слева за полосой кустарника угадывался пологий спуск, выведивший на широкий берег запруженной реки – излюбленное место купания всех окрестных жителей. Сейчас бетонный забор закончится, впереди замаячат огоньки местного жилья, а по правую сторону откроется поле, через которое к Альтаиру поведёт отходящая от дороги колея.

Со стороны реки пришёл ветерок. Зародившись где-то в прибрежной осоке, он прошелестел в кустарнике, пересёк дорогу и, наклоня разросшиеся травы, умчался в направлении посёлка, над которым в темнеющих небесах уже проступал ковш Большой Медведицы. Впереди грозно мерцал красновато-оранжевый Арктур, а над головой, почти в зените, сияла бело-голубая Вега, изливая на Землю свой чарующий свет. Кир на минуту остановился, повернувшись лицом к юго-востоку. Звёздный Лебедь, как и тысячи лет назад, продолжал свой полёт вдоль Млечного Пути. Ему навстречу парил Орёл, чья самая яркая звезда дала имя посёлку. «Юность и песню, и крылья дала тем, кто поверил в созвездье Орла». – Он повторил про себя слова старого коммунарского гимна, бросил мгновенный взгляд в сторону восходящей Луны и, развернувшись, стремительно зашагал через поле.

По колее Кир успел пройти совсем немного, когда сзади раздалась быстрые шаги двух пар ног, приглушённый смех, и его с двух сторон решительно взяли под руки. Внезапно оказавшись между двух подруг, по случаю проходившей в Альтаире учебно-ролевой игры «Фермопилы» одетых древними гречанками, Кир воскликнул:

– Откуда вы, амазонки?

В длинных хитонах из тонкого льна, приятно шелестевших при ходьбе, с рассыпавшимися волосами, ещё не вполне просохшими после купания, в ожерельях ракушечных бус «амазонки» были особенно хороши.

– Мы – нимфы реки, пришедшие спросить тебя, странник: по какому праву ты тревожишь покой этих заповедных мест? – шутивным тоном отозвалась Элина и, сразу посерьёзнев, спросила:

– Ты сегодня останешься у костра? Марго будет танцевать.

Уловив в её голосе обеспокоенность, Кир благодарно пожал Элинину руку. «Не надо за меня волноваться, девушки», – произнёс он мысленно, а вслух ответил:

– У костра, конечно, останусь. Когда это я пропускал Маргаритины танцы?

Среди многих талантов молодых женщин важное место занимали таланты музыкальные, особенно ценившиеся в посёлке. Черноглазая и тёмноволосая Элина, обладательница глубокого, сильного голоса, пела берущие за душу песни на русском, украинском и ещё на нескольких южноевропейских языках, аккомпанируя себе на гитаре. В отличие от Элины, Марго была совершенно не похожа ни на испанку, ни на цыганку, но в те вечера, когда она, смуглая от летнего загара, под звуки кастаньет проходила в огневом фламенко, гордо вздёрнув голову, развернув плечи и выстукивая каблукками дробь, душа её пела и стремилась ввысь. И неважно, что её волосы были тёмно-русы, а глаза светились голубизной северного неба, – в такие минуты ни у кого не возникало сомнений, что это пламя, смягчённое морским бризом, сюда занесено с берегов далёкой Иберии. Поистине, будучи уникальным местом, Алтайр притягивал уникальных людей.

Пребывая в прекрасном настроении после хорошего дня, упиваясь тёплым вечерним воздухом, Марго улыбалась каким-то своим мыслям и лучилась радостью. На замечание Кира она отозвалась весёлым смехом. Элина, по обыкновению более словоохотливая, пустилась рассказывать о купании в реке, о водорослях и водяных лилиях и о том, как высыхают на коже капельки речной воды.

– Вон они, наши ребята, тоже после омовения возвращаются, – произнесла она.

В отдалении через поле со стороны реки двигался отряд гоплитов, темнели на фоне освещённого луной поля их большие круглые щиты, древки копий в такт шагам ударяли в землю. Четырнадцати-шестнадцатилетние «спартанцы» возвращались из похода, завершалась большая игра, завтра будет её подробный разбор и обсуждение результатов.

– Вик сделал для ребят прекрасное погружение в эпоху, – без переходов продолжила Элина. – Это преподаватель от бога, ему бы кафедру...

– Чтобы мы его здесь совсем не видели? – заговорила Марго. – Нет, Эля, кафедры – это прошлый век! Я давно предлагаю организовать в сети образовательную программу, для которой регулярно, а не от случая к случаю, делать видеозаписи занятий Вика. И не только его. Вот, Кир может своим студентам дистанционное обучение наладить, и поселиться, наконец, в Алтайре не только на период отпуска. И серию лекций по теории времени может сделать, правда, Кир?

– Ну да, а ты, как геофизик по образованию и учитель-предметник по профессии и призванию – о новых идеях строения Земли. А я – о языковых археоморфах. Больше идей, безумных и смелых, и пусть «борцы с лженаукой» исходят злобой! – отозвалась Элина. – Вот только где на всё это время взять?

– В этом нам поможет Кир, он у нас по времени спец, – ответила Марго, и они дружно рассмеялись удачной шутке.

– Ладно, – сказал Кир примирительно, как будто от него и вправду потребовали решения. – Главное, задачу поставили, значит, время найдётся, когда нужно будет.

– Ты у нас не только истинный специалист по времени, но и настоящий даос! – ответила Элина. – «Всё приходит к тому, кто умеет ждать», так?

– Так, – он улыбнулся с тихой грустью. – Главный закон времени.

И про себя произнёс: «Но пусть будет, как нужно ей, а не мне».

Когда они подходили к посёлку, весь Алтайр – три с лишним десятка человек – уже собрался возле костра. Ребята и взрослые стояли и сидели небольшими группками, делились впечатлениями, шутили, смеялись в ожидании главного действия. Элина направилась к одной из групп – туда, где виднелась обнажённая по пояс атлетическая фигура Вика. Марго повернула в сторону ближнего коттеджа, чтобы взять оттуда бубен.

Кир осмотрелся. Вот Иринка, добрая фея, держа в руках расписную керамическую чашу, что-то на ней показывает и объясняет стоящим рядом ребятам, а её двухгодовалый сынуля, первый урождённый алтайровец, вертится тут же, обхватывает маму за колени и

хочет. Какой будет наша Земля, когда этот весёлый малыш, так трогательно играющий с мамой, вырастет? Каждый раз в подобные моменты Кир задавал себе этот вопрос, и почти что физически начинал ощущать отчаянный порыв всех живых людей к миру, который был бы дружелюбен детям и взрослым. «Ночь прошла, будто прошла боль...» – когда, наконец, человечество сможет произнести эти слова?

Вот она, девятнадцатилетняя красавица Лара, студентка пединститута, в сопровождении обожающих её старшеклассников Илюхи и Димы. Кир в очередной раз залюбовался царственной осанкой, гордой посадкой головы и перекинутой через плечо полураспущенной косой густых чёрных волос девушки. Парни тоже смотрелись красавцами. Светлый, длинноволосый Илюха, не расстававшийся с гитарой (которой он владел виртуозно и под которую слагал песни во славу несравненной Лары), более всего напоминал средневекового менестреля. А черноглазому, стройному как тополь Диме недоставало только повязки алого шёлка на волосах и кинжала за поясом – получился бы вылитый юный корсар, хоть сейчас в Карибское море, вспять лет на четыреста.

Вот они, Элина и Вик. Взяв Элины руки в свои широкие ладони, Вик что-то говорит, не сводя с подруги внимательных глаз. Вик... друг и соратник со школьной скамьи. Мальчишками они вместе играли в вольных стрелков в большом лесопарке на краю города. Когда стали старше, вместе бегали по утрам, вместе занимались кун-фу у Влада, тогда молодого востоковеда и просто интересного человека, вместе зачитывались Ефремовым, Крапивинным и Морозовым и вели жаркие мировоззренческие споры с одноклассниками. Вика интересовали исторические пути народов, Кира – место человека во Вселенной. Это определило выбор ими дальнейших дорог, в эпоху торгашества непрестижных, но зато идущих рядом и дававших друзьям смысл существования и моральное право называть себя революционерами духа. Эти дороги их привели в Альтаир...

Оставшись в образе древней гречанки, Марго подколола волосы и вышла в середину образовавшегося круга, встряхнула бубен, который держала в левой руке. Из установленных тут же динамиков неудержимо полилась сильная и подвижная, как полноводная река, мелодия. Ударяя в поднятый над головой бубен, Марго пустилась в замысловатый танец, петляя обутыми в лёгкие сандалии ногами, которые на мгновение показывались во всю длину в боковых разрезах её хитона, а захваченные красотой танца собравшиеся дружно, в такт ударяли в ладоши. Жаль, что этого не видит Василиса...

Когда музыка остановилась, и Марго убежала переодеваться, Элина взяла гитару и вышла на середину. Тронув струны, она запела: «Ты помнишь, как всё начиналось?..» Альтаировцы сомкнули круг и, обняв друг друга за плечи, подхватили слова. Они пели, раскачиваясь в ритме мелодии, и Эля с гитарой медленно шла по внутреннему кругу, встречаясь глазами с каждым...

Затем вернулась едва отдышавшаяся Марго в образе Кармен. Зазвенел и рассыпался первый аккорд Илюхиной гитары – и стремительная мелодия рванулась с места. Играя на кастаньетах, Марго танцевала своё незабываемое фламенко, танец, который она каждый раз исполняла по-новому. Её туфли взбивали пыль на утоптанной площадке, и пламя костра разгоралось ярче и жарче...

Луна перевалила верхнюю точку своего пути по небосклону и двигалась к закату. Все разошлись по домам, только Кир и всё понимающий Вик сидели в наступившей тишине напротив догорающего костра и молча смотрели на угли. Кир сразу почувствовал это, знакомое и невыразимое, пришедшее из внутреннего безмолвия; интуиция шепнула: «Сейчас!» – и сердце ударило чуть сильнее. Мелодичный звук возвестил о поступлении текстового сообщения, Кир извлёк из кармана телефон и прочитал строки, набранные Василисой: «Я люблю тебя так же сильно... но позже, когда сама стану немного другой... Сегодня жди чуда. Мечта-ведьма Катти Сарк :)». Ничто не может сравниться с переполняющим душу огромным счастьем – Кира подняло прямо к звёздному небу, и его

сердце распахнулось, обнимая Вселенную. Он не заметил, как оказался на ногах. Вик поднялся следом и после секундного недоумения взглянул на друга лукаво и радостно. Затем произнёс:

– Я вижу, настала пора для дружеского спарринга. Дорогу энергиям!

– Валяй! – отозвался Кир, и они в два прыжка очутились на утопанной площадке, встав друг напротив друга. Изыщно, немного играя и дурачась, приняли боевые стойки – сейчас каскады перемещений, ударов и блоков заполнят пространство, ожившее пульсациями энергий!.. И вернулись в исходное положение. Прямо к друзьям по тропе шла Марго. В лунном свете серебрились её распущенные волосы и подол лёгкого длинного платья, а в руке, немного отведённой в сторону, она держала телефонную трубку, которую, похоже, просто забыла положить на место. Остановившись в двух шагах от друзей, Марго произнесла:

– Ребята! Звонил Лёшка. Они поймали радиосигнал, похоже, искусственного происхождения. Источник движется в нашу сторону.

Лёшка, Алексей Светлов, беззаветно влюблённый в Марго, работал в радиоастрономической обсерватории Академгородка.

В пространстве мчится звездолёт... Его главное помещение сферической формы, прозрачное, так что изнутри видны бездны космоса во всех направлениях, а когда корабль ныряет в очередную складку пространства, целые миры звёздной метелью проносятся мимо, скользя по поверхности сферы. Ритм движения корабля соответствует ритму мелодии, которая звучит внутри, где двое – Он и Она – на плоскости, что делит сферу пополам, исполняют танец необыкновенной красоты. И в этом танце выражены вся красота и полнота жизни, борьба, восхождение, творческая ярость и – пронизывая и оживотворяя всё это – любовь. Мчится в пространстве звездолёт, несёт по вселенной весть того мира, ради которого стоит жить и бороться.

МАРГО И СВЕТЛОВ

Я знаю, что ночи любви нам даны
И яркие, жаркие дни для войны.

Николай Гумилёв.

Ливень свирепствовал. Нет, это были уже не дождевые струи! Водяная стена потоками вселенской Ниагары рушилась на землю, и в гуле этого водопада сквозь порывы ветра слышалось ликование самой природы, после двух недель утомительной жары наконец-то давшей волю своему неистовству. Примерно так происходящее видел Светлов, когда, плотнее завернувшись в непромокаемый плащ, выходил из автобуса там, где месяцем раньше прощались Кир и Василиса. Сквозь непрерывный шум ливня спасительно взревел мотор знакомого двухприводного «Мицуми», машина подкатила мягко и стремительно.

– Лёшка, садись! – крикнула Марго, перегнувшись через пассажирское сидение и открывая правую дверцу.

Дворники яростно разгоняли водяные потоки, струящиеся по ветровому стеклу.

– Здравствуй, я соскучился по тебе. – Поместившись рядом и бросив сумку и плащ на заднее сидение, Светлов протянул Марго букет её любимых кустовых гвоздик.

– Спасибо. – Она обхватила Алексея одной рукой за шею и поцеловала. – Нам с тобой повезло, ты появился раньше всех, ребята начнут возвращаться завтра... Ну что, поехали?

Не дожидаясь ответа, Марго тронула машину с места, сворачивая на боковую дорогу, едва различимую за пеленой дождя. Точнее было бы сказать «поплыли»: огромные лужи кипели под напором струй, колёса рассекали их с характерным шуршанием, и автомобиль, по мере удаления от связующей с городом трассы, всё более походил на затерявшуюся в море крошечную субмарину.

– Постой, – заговорил Алексей, как только до него стал доходить смысл сказанных ей слов, – ты что же, сейчас одна в посёлке? А где Иринка с Володей?

– Укатали с детьми в Финляндию, на озёра. Вернутся дней через пять.

– И не страшно тебе здесь одной? Сказала бы, я бы выбрался раньше.

– Со мной Буран, – ответила Марго. – Когда кто-то чужой приближается к Альгаиру, он лает так, что из летаргии может вывести, и без моего разрешения никого не подпустит. Кроме того, Володин карабин сейчас висит у меня дома. – Не хмурься, – добавила она с той особенной теплотой, от которой сердце Алексея вновь наполнилось ожиданием близкого счастья, – я чувствую твою заботу и очень это ценю, но у тебя были дела, а мне нужно было побыть одной.

– Понимаю, иногда это очень нужно.

– Периодически. Просто вернуться к себе, в тишине осмыслить то новое, что приходит, но порой не замечается нами за повседневными хлопотами, что-то принять, что-то отпустить.

– Ты удивительное создание, Марго! – убеждённо произнёс Светлов. – У тебя лёгкая и свободная поступь по жизни соседствует со стихийной мудростью, и при этом ты такая красивая!

– Спасибо, Лёш. – Её лицо тронула нежная улыбка.

– За что ты меня благодаришь? – снова нахмурился Алексей. – Я ведь не комплименты тебе говорю.

– Нет, ты говоришь именно комплименты, – мягко возразила Марго, – причём самые лучшие – те, которые произносятся искренне, от души. Мужчина должен уметь делать такие комплименты, а женщина должна уметь их принимать.

– Ну вот, ты меня полностью разоружила, сдаюсь, – опять рассмеялся Светлов. – Но как же мне хорошо с тобой!

Марго подарила ему благодарный взгляд и вновь обратилась к дороге.

Некоторое время они ехали молча. Неожиданно налетевшая непогода столь же внезапно стала растрачивать свою ярость, прекратились порывы ветра, с каждой минутой слабел дождь, и редела его пелена за окнами машины.

– Ты последние дни смотришь новости? – спросил Алексей.

– Да. И вижу растерянных политических лидеров, которые произносят пространные речи о давних традициях гуманизма.

– Точно. А те, кто стоят за ними, наверняка готовят какую-нибудь гадость.

– «А тот, кто двигал, управляя, марионетками всех стран...» Но звездолёт летит, и ничего они с этим не сделают, информацию уже не перекрыть и не превратить в очередное «шоу». Когда он будет здесь? Зимой?

– Двигаясь с тем же замедлением, корабль пересечёт плоскость эклиптики к Новому году. Когда это стало понятно, даже у «человека в штатском», что теперь по долгу службы сидит у нас в отделе и ежедневно рапортует начальству, глаза загорелись энтузиазмом.

– Даже странно, жизнь превращается в сказку, а мы, как ни в чём не бывало, занимаемся своими делами, – задумчиво произнесла Марго. – Но меня это радует, значит, мы способны принимать такие события спокойно, светло и мудро.

Светлов взглянул на любимую, и Марго ответила ему мимолётной улыбкой, продолжая думать о своём. На их детство пришлось время большой социальной катастрофы. «Прекрасное далёко» осталось глухо к мольбам той маленькой девочки, что пела эти строки, – не быть к ней жестоким. Но заглушить естественную тягу к удивительному в детских душах оказалось непросто. Кому повезло с учителями, родителями и друзьями, продолжали жить с мечтой о лучшем будущем, стараясь привнести что-то из него в свою жизнь. Из этой мечты со временем и вырос Альтаир, заявивший себя как один из форпостов будущего в настоящем.

– Теперь люди не смогут оставаться прежними, делая вид, что наш мир – лучший из возможных, – сказал Алексей.

– Да, – согласилась Марго. – Новогодний подарок несмышлёному человечеству.

И будто отзываясь на её слова, под свинцовым сводом косматой тучи, уходящей на северо-восток, в лучах выглянувшего солнца зажглась радуга...

В Альтаире они остановились на «технической» территории, возле гаража и мастерской, где заканчивалась дорога, мощённая большими бетонными плитами. К Алексею с грозным лаем подбежал лохматый Буран, обнюхал кроссовки и брюки гостя, позволил ему почесать себя за ухом и удалился в сторону будки. Светлов распахнул ворота гаража, и Марго аккуратно вписала свою экспедиционную машину рядом с альтаирским микроавтобусом.

Дождь прекратился совсем, только искрящиеся на солнце капли падали с ветвей деревьев в мокрую траву, и вновь слышалось щебетание птиц. Стало заметно прохладнее – вслед за атмосферным фронтом пришло дыхание осени. Марго поднесла букет гвоздик к лицу: «Какой молодец Лёшка! Дарит цветы без этой дурацкой целлофановой упаковки с непременно бантиком». Несколько прядок, выбившихся из причёски, придавали её лицу особое очарование, а джинсы в обтяжку и кремовая блузка не скрывали стройной фигуры.

– Голоден?

– Нет, хозяйюшка, – весело ответил Светлов.

– Тем лучше, – она опять улыбнулась своим затаённым мыслям, – а то мне ещё нужно закончить обсчёт летних данных для нашей нефтяной мафии. Как пел классик, «the show must go on».

– А почему «шоу»? – поинтересовался Алексей.

– Красочные трёхмерные картинки с возможными месторождениями. Для них это шоу, за которое они, считая себя хозяевами жизни, платят.

Марго протянула Алексею ключ от гостевого дома:

– В твоём распоряжении спортзал, душ, библиотека – отдыхай и ни в чём себе не отказывай. – Она снова зарылась лицом в цветы. – А к девяти жду у себя. Я приготовлю «шарлотку», и у нас будет изысканный ужин – яблочный пирог под белое вино.

Живой огонь в камине, светлые бревенчатые стены и мягкий, расшитый крокусами коврик на полу наглядно демонстрировали Алексею, что означает когда-то слышанная им парадоксальная фраза: «жизненно необходимая роскошь». Роскошь, которая позволяет оставить за дверьми все заботы и, уютно расположившись у огня, предаваться неторопливому размышлению, читать увлекательную книгу или вести душевную беседу с близкими людьми.

Светлов огляделся. Блики пламени выхватывали из мягкого полусумрака обстановку, знакомую только днём. Уютный диванчик у стены напротив камина, просторный рабочий стол возле окна слева и книжный шкаф справа, около лестницы наверх, очерчивали по периметру пространство небольшой комнаты. Фотопортрет Сары Барас и деревянная статуэтка девушки с распущенными волосами выражали две различные ипостаси хозяйки дома. Оба изображения стояли на полке над столом. Женщина на фотографии исполняла танец фламенко возле огня, на фоне полной Луны. Девушка была изображена сидящей в позе русалки на большом валуне, по-видимому, на берегу моря или широкой реки, устремив вдаль задумчивый взгляд. На углу стола относительно аккуратной стопкой были сложены исписанные листы и блокноты, стул плотно задвинут, а возле закрытого ноутбука заняла место ваза с подаренными гвоздиками – всё говорило о том, что необходимая работа завершена, и пришло время для небольшого праздника.

Благодаря хорошей библиотеке, в Альтаире не было необходимости держать много книг дома. За стеклянными дверцами книжного шкафа стояли только необходимые в работе атласы, словари и справочники, учебные пособия (Марго вела уроки географии и английского языка) и ряд книг, бывших для хозяйки настольными. «Бегущая с волками» («нужно будет обязательно прочитать», – отметил для себя Светлов), затем любимые обоими Ричард Бах и де Сент-Экзюпери, дальше не менее любимый Ефремов – «Лезвие бритвы», «Туманность Андромеды» вместе с «Часом Быка», «Таис Афинская». А вот привезённая Светловым «Звезда полынь» Вячеслава Рыбакова – Алексей был убеждён, что без экзамена по этой книге руководителей страны нельзя допускать к исполнению их обязанностей. В одной из малых учебно-ролевых игр в Альтаире даже успели шутливо обыграть эту идею, когда вступающий в должность президент – его роль исполнял десятиклассник Максим – на «Звезде полынь» принимал присягу.

Отдельную полку занимала выполненная с фантазией композиция из морских раковин, камней и минералов, над которой простёрла ветви причудливая коряга крымского древовидного можжевельника. Оживляла композицию фигурка отдыхающей чёрной пантеры на одной из ветвей. Над диваном висела карта мира, а на смежной стене – перекидной календарь с океанскими побережьями. Жилище свободной, творческой натуры.

Наверху раздались быстрые шаги, и по лестнице справа от камина спустилась, распространяя лёгкий аромат ландыша, хозяйка дома. Светлов замер: такой головокружительно прекрасной и при этом доверительно близкой он не видел подругу ещё никогда. Платье вишнёвого цвета, с блёстками, оставляло открытыми её загорелые плечи и ноги выше колен. Подол был намеренно скошен, так что одно бедро оказывалось обнажённым более другого. Шею украшало тонкое гранатовое ожерелье, а завершали наряд изящные открытые туфли и заколка в виде гвоздики под цвет платья.

– Марго, ты – королева! – с искренним восхищением произнёс Светлов. Королева стремительно развернулась на каблуках, разметав волосы по плечам:

– Нравлюсь?

– Не то слово.

– Я рада. Располагайся, я сейчас приду.

Просияв задорной улыбкой, хозяйка скрылась за дверью под лестницей и через полминуты вернулась, катя перед собой сервированный на двоих «журнальный» столик со своей «фирменной» «шарлоткой» и запотевшей бутылкой охлаждённого «Винья Тендида».

– Открой, пожалуйста, вино, – подбодрила она гостя, усаживаясь рядом с ним на диванчике, и стала раскладывать по тарелкам пышные ломти душистого яблочного пирога.

Они выпили за встречу и отведали «шарлотки». Марго слегка ударила ногтём по краю наполовину пустого бокала, поднесла его к уху и прислушалась к звучанию.

– В Альтаире, несмотря на наш интенсивный график, я отдыхаю душой. Здесь друзья, здесь настоящее дело, и мужчины здесь – рыцари, в отличие от павианов из управленцев нефтяной компании. Эти, вторые, когда видят перед собой красивую и независимую женщину, желают самоутвердиться, сделав её своей любовницей, а если этого не получается, то морально унижить её.

Алексей взял руку подруги, вложив в этот жест всю свою заботу и сочувствие.

– Я ведь не ханжа, – продолжала говорить Марго, – но представить себе тех бандитов с большой дороги в качестве своих мужчин... Нонсенс!

– Но скажи, разве тебе обязательно с ними общаться? – заговорил Светлов. – Как я понимаю, ваш метод годится не только для поиска нефти, и нефтяники существуют не только в нашей стране, где эта отрасль настолько мафиозна.

– Конечно, ты прав. Да и общалась я с теми павианами только пару раз (обычно договоры заключает другой человек, непробиваемый как танк), но мне хватило.

Марго положила голову Алексею на плечо, как будто ища у него защиты.

– И у тебя тоже бывают моменты слабости, моя королева, – нежно произнёс он. – Как я хочу быть рядом в такие минуты, чтобы суметь поддержать тебя!

– Спасибо тебе, Лёш... Ты и так меня здорово поддерживаешь, спасибо. Всё в порядке, у нас намечаются ещё три договора: с индийскими и венесуэльскими нефтяниками и с нашим геологическим управлением в Забайкалье, так что обойдёмся без родных мафиози.

– А вот это здорово! – Светлов снова разливал вино. – Полетишь в Индию?

– И в Индию. – Марго приняла свой бокал. – Влад меня уже начал наставлять по поводу этой страны. И в Забайкалье полечу следующим летом, вот только в Венесуэлу самой поехать вряд ли получится. Что поделать? Всюду не успеть.

– А я вот собрался в Чили, на конгресс по проекту «СЕТИ», который теперь в новом качестве. Главная тема – звездолёт. Съезжаются не только астрономы, будут футурологи, есть большая социологическая секция, с участием социалистических политиков латиноамериканских стран.

– Очень интересно! Хотят выработать общую линию поведения в предстоящем контакте?

– Вроде того. Вообще, это хорошая практика, когда политика вырабатывается после открытого обсуждения проблемы специалистами. Шажок на пути к «Туманности...» с её Академиями.

– Слушай, Лёш, – вдруг спохватилась Марго, – надо не забыть завтра всю информацию об этом конгрессе переслать Киру. Будет чудесно, если он полетит с тобой и сможет встретиться там с Василисой.

– Конечно, – согласился Алексей. – Хотя, скорее всего, он тоже получил извещение и уже в курсе.

Хозяйка поднялась, приблизилась к камину и подбросила в огонь несколько обрезков толстой строительной доски, затем подошла к столу с компьютером.

– Я хотела тебе показать первую запись альтаирского футуроклуба.

– Это из тех видеотрансляций, про которые ты говорила?

– Да, наше альтернативное «телевидение». Первую передачу ребята посвятили... как ты думаешь, чему?

– Звездолёту? – предположил Светлов.

– В какой-то мере и ему тоже, но в первую очередь – любви.

Марго повернула ноутбук так, чтобы им обоим было хорошо видно, и вернулась к Алексею.

– Володя успел выложить эту запись перед отъездом, с удовольствием посмотрю её снова, – произнесла она, сбросив туфли и устраиваясь с ногами на диванчике. – И налей мне ещё вина.

Прозвучала серия низких аккордов, и вслед за заставкой – картиной Геннадия Голобокова «Великое кольцо Вселенной. Контакт» – на экране появилось слегка худощавое загорелое лицо Кира.

– Здравствуйте, – приветствовал он невидимую аудиторию. – Первую передачу футурологического клуба Альтаира мы посвящаем теме, которая может показаться неожиданной с точки зрения привычного понимания футурологии. Возможно, даже несерьёзной, с точки зрения нынешней излишне технической культуры, которую мы вместе с вами сегодня начнём преодолевать.

Кир говорил страстно, а проникновенный взгляд его больших глаз притягивал к себе как магнит:

– За последние двести лет человечество преуспело в такой очень полезной области, как технический прогресс. Казалось бы, стали сбываться самые смелые мечты прошлых веков о так называемой власти над природой. Но всё в мире имеет две стороны, и пренебрежение этим знанием оставляет нас замкнутыми в круге неразрешимых проблем. Стал ли наш мир за те же двести лет счастливее? Очевидно, что нет. В парадигме, предложенной западной цивилизацией, технический прогресс из средства превратился в цель, а такая подмена ценностей не может пройти безнаказанно, и расплачиваться приходится бессмысленностью жизни для большинства. Сегодня нам всем необходимо осознать то, о чём лучшие умы человечества, такие как, например, Фромм, Ефремов или де Сент-Экзюпери, говорили уже более полувека назад: цель любого прогресса – научного, технического, социального – в увеличении человеческого счастья. Сегодня людям необходимо обратиться к познанию своей эмоциональной сферы, условий своего душевного и духовного здоровья, подлинной наполненности жизни и применению этого знания к переустройству общества. И начать это движение должны люди доброй воли, пока им не овладели всевозможные манипуляторы. Именно поэтому первую встречу нашего футурологического клуба мы посвящаем теме, связанной для всех нас с наибольшим эмоциональным богатством, теме любви.

Камера сместилась в сторону, и в её фокусе возникла Иринка. Молодая женщина улыбнулась, приветствуя зрителей, её мягко оттенённые тушью глаза вспыхнули внутренним светом, а на щеках выступил лёгкий румянец.

– Правда, красавица? – тихо спросила Марго, придвигаясь ближе к Алексею.

– Да, очень хороша, – согласился Светлов, принимая её ладонь в свою.

– Мы сегодня говорим о любви, с которой связано столько человеческих надежд и столько разочарований, – тем временем начала своё выступление Иринка. – Выдающийся гуманист прошлого века, уже упомянутый Кириллом Эрихом Фроммом, заметил: большинство людей не умеют любить. Несмотря на весь свой неудачный опыт, они почему-то продолжают считать, что это просто, что главное – найти удачный «объект любви», и больше ничего не нужно делать. Вопрос о каких-то дальнейших усилиях этими «горелюбовниками», так сказать, даже не ставится, они почему-то думают, что всё получится само собой. А само собой – не получается. И когда первичный импульс влюблённости проходит, не рождается главного: перехода отношений в новое качество, из влюблённости – в любовь, из чарующего рассвета – в красоту дня. Вместо этого наступает разочарование, неизбежное при таком восприятии любви. Значит, «объект любви»

оказался не тот, решает в своей простоте человек и устремляется на поиски нового «объекта», чтобы повторить всё снова: встреча, притяжение, вспышка, влюблённость, проблемы, неготовность их решать, разочарование, остывание, одиночество. Выйти из этого круга можно, – она сделала паузу, подчеркнув последнее слово. – Но для этого необходимо признать, что любовь – сложное искусство, которому, как и любому другому искусству, необходимо учиться...

– Это из книги Фромма «Искусство любить», – прокомментировала Марго. Иринка продолжала:

– Другой замечательный автор прошлого века, Евгений Богат, назвал любовь «самым потрясающим опытом человека». Он считал, что она позволяет нам видеть в окружающем мире новые реальности. И не только в мире, но и в любимом человеке. Многие люди полагают, что любовь «ослепляет», кружит голову, делает человека неадекватным. Что в любви неизбежна идеализация: любимый или любимая кажутся нам лучше, чем они есть на самом деле. Телесно, духовно лучше. Именно – кажутся. До поры. А потом наступает «отрезвление», приходит разочарование. Евгений Богат, с которым я полностью согласна, видит ситуацию иначе. Я зачитаю вам его слова о любви как интереснейшем искусстве. Трудно сказать об этом лучше, чем смог он, – в руках у говорящей появилась небольшая книжка в плотном переплёте, переложённая узкими полосами закладок. Иринка раскрыла нужную страницу:

– «Да, любящий видит в любимом то, чего не видят окружающие их, «не ослеплённые любовью» люди. Они видят уголь, он – алмаз; они – «ничего особенного», он – чудо из чудес...» – Иринка снова выждала короткую паузу. – «Но может быть, то, что мы, несколько уже не задумываясь, называем «идеализацией в любви», на самом деле не идеализация, а нечто иное, несравненно более содержательное и реальное? Может быть, любящий видит единственную, высшую истину о человеке? Это истина о самом ценном и самом лучшем, что в нём заключено». – Молодая женщина заново переживала прочитанные строки, её голос звенел, речь ускорила, казалось, она спешит поделиться со слушателями только что – и в очередной раз – сделанным открытием. – «...В этом чудо любви. Уголь перестраивается в алмаз, но он и останется им надолго, навсегда, если его ограничивать, а не пассивно им любоваться. Если за радостью узнавания последует радость труда... Но если то, что мы видим в любимом человеке, не очаровательная мимолетность, а высшая истина о нём, реальная возможность рождения подлинного алмаза, а мы, наслаждаясь идеализацией, не удержим навсегда увиденное однажды, то не ожидает ли (и не только нас, но и мир!) действительная утрата?..»

Иринка остановилась, закрыла книгу и медленно процитировала по памяти:

– «Надо осознать любовь как творчество – творчество лучшего, что заложено в любимом». Евгений Михайлович Богат, «Аскеза любви».

– Богат верил, что человечество эволюционирует в сторону возрастания способности любить, которая пока что находится в зачаточном состоянии. О том же писал Иван Ефремов, – продолжил Кир, и камера слегка отодвинулась, показав обоих выступающих. – Женщина, которую я люблю, и которая сейчас далеко, однажды сказала мне, что любовь – это энергия, разлитая в пространстве и кристаллизующаяся в виде чувств к кому-то конкретно. Если Евгений Богат говорил об «аскезе любви», то я бы рискнул сказать о «йоге любви», об искусстве раскрыться этой энергии. «Я дышу, и значит, я люблю», говоря словами поэта... В чём она, эта «йога»? В том, чтобы, встретив красоту – в природе, в искусстве или в человеке – испытать радость и уловить пробежавший в сердце ток, зафиксировать это состояние (можно сказать себе: «вот оно! есть!»), и тогда со временем оно станет привычным. В том, чтобы, случайно встретив хорошего человека – женщину или мужчину – поддержать его ласковым словом или мысленным приветом. В том, чтобы, любя кого-то, любить безусловно, изгнав даже тень собственничества и ревности, и тогда жизнь не будет прожита зря. Как сказал великий де Сент-Экзюпери,

любовь не приносит страданий, это делает инстинкт собственности, а он противоположен любви.

Марго и Алексей радостно переглянулись при упоминании этих слов их любимого автора, и оба ощутили, как через сердце пробегает тот самый, вызывающий чуть заметную дрожь, ток, о котором говорил Кир.

Камера переместилась ещё немного влево и надвинулась, показав третьего участника встречи. Многие школьники, да и взрослые – друзья Альтаира его знали по увлекательным историческим видеолекциям.

– Здравствуйте, наши знакомые и незнакомые собеседники! – Тёплые, дружественные интонации в голосе говорящего располагали к себе с первой фразы. – Тема любви, и более широко – тема взаимоотношения мужчины и женщины – это тема этики будущего. Когда мы о нём говорим и озвучиваем то, что хотели бы в нём увидеть, мы тем самым неизбежно заявляем о своём намерении каким-то образом воплощать это желаемое в реальность. Сегодня люди мучительно карабкаются по своим личным взаимоотношениям, устраивая массу изнурительных виртуальных боёв, надумывают себе какие-то искусственные сценарии и ограничения, которые стараются претворить в жизнь во что бы то ни стало... Естественно, это множит страдание, приносит непонимание и, как следствие, моральное одиночество.

Вик говорил раздумчиво, помогая себе плавными жестами могучих рук с широкими ладонями. Он тщательно подбирал и взвешивал каждое слово, стремясь найти наиболее точный образ для выражения тех мыслей, которыми желал поделиться с аудиторией:

– Пытаясь заглянуть вперёд, мы задаёмся вопросом о гендерных взаимоотношениях в близком и в отдалённом будущем. На какой основе они будут строиться? Сохранится ли семья в современном понимании этого слова? Как это связано с технологическим уровнем общества? Что это будут за взаимоотношения в ту эпоху, когда каждый человек будет свободно ездить по всему миру? Или даже летать по Галактике? Человек будет выбирать не из десяти или двадцати представителей противоположного пола, с которыми постоянно общается. Речь идёт об общении с сотнями, тысячами, о постоянных встречах с новыми сообществами, традициями и нюансами быта, когда человек должен постоянно чувствовать свою открытость миру и постоянно впускать в себя его энергию. Но если он впускает в себя энергию мира, то он впускает в себя и энергию противоположного пола.

Уголёк в камине выстрелил снопом искр, и двое слушающих одновременно улыбнулись.

– Помимо увеличения числа коммуникаций есть ещё один момент: повышается тонкость и дифференцированность человеческих чувств. То, что раньше было таким густым, как желе и слегка так ворочалось, – Вик изобразил ладонью шевеление бесформенной массы, – теперь является тонким и изящным как растущая снежинка (фрактальная структура, между прочим!). И это процесс объективный, эволюционный. Наверное, в нём проявляется то усложнение нервной организации, о котором писал Вернадский. А дальше будет ещё сложнее, утончённее и интереснее. Например, у Ефремова в описанном им будущем существует более пятисот слов для обозначения любви. Более пятисот! Настолько богата эмоционально жизнь тех людей. Я согласен с друзьями, значение любви в будущем будет возрастать, и это потребует новых решений. Новых – не значит, как это пытались осуществить иные неформалы в прошлом веке, мол, всё старое отрицаем, живём коммуной из двадцати человек, где каждая спит с каждым в обязательном порядке, – слова говорящего заискрились юмором. – Это была бы профанация и глупость. Я не буду пока делать окончательных выводов, потому что в этой теме не может быть универсальных ответов, и афоризм «мысль изречённая есть ложь» к ней особенно применим. Здесь всё связано с конкретным, уникальным и – подчеркну это – искренним переживанием. Возвышающее обоих взаимодействие мужчины и женщины может затрагивать разные диапазоны и оттенки эмоций, и не обязательно тёплое, ласковое, душевное общение должно вылиться в физическую близость. С другой стороны,

физическая близость не может быть регламентирована каким-то обязательным комплексом формальных условий, в том числе неизбежным, абсолютным требованием так называемой верности. Так называемой – потому что это требование обычно проистекает из чувства собственности, то есть возникает как раз там, где нет любви. Было бы очень хорошо, если бы вы поразмышляли на предложенную нами тему. Если мы ототрефлексируем эти вопросы, будущее нас позовёт. Образно говоря, создастся некий аттрактор, который притянет наши траектории.

Вновь прозвучали низкие аккорды, возвестив об окончании передачи. Марго вспомнила, как она спросила Алексея вскоре после их знакомства (произошедшего на аэродроме во время парашютных прыжков), ревновал бы он, если бы его жена (предположим, что таковая есть) надолго уезжала бы из дома в интересные командировки или, например, увлечённо занималась парными танцами. «Да что я, убогий, что ли?!» – с запредельным возмущением воскликнул тогда Светлов, и она обрадовалась, что не ошиблась в этом человеке, к которому чувствовала всё возрастающую симпатию.

А Светлова от увиденного выступления альтаировцев захлестнуло радостное волнение. То, что он услышал, отвечало личным представлениям Алексея, его сокровенным думам и подтверждало, что эта тема важна не только для него. Светлов мечтал об отношениях с любимой женщиной как об увлекательном путешествии длиной в жизнь, как об экспедиции, в которую идут вместе, но в которой каждый пользуется максимальной свободой поиска и делится с другим своими радостными открытиями. Светлов захотел сразу же высказать нахлынувшие чувства и мысли, таким образом поделившись ими с любимой, но вдруг осознал, что они сейчас понимают друг друга без слов. Марго мягко остановила Алексея, положив руку ему на предплечье, затем поднялась и включила подборку своих любимых музыкальных баллад.

– Потанцуй со мной, – произнесла она просто...

За окном уже давно была темень, в стекло барабанил мелкий осенний дождь, но в камине весело потрескивали дрова. Они вдвоём плыли, медленно кружась, в полумраке комнаты под проникновенную композицию легендарной группы:

Maybe I, maybe you
Can find the key to the stars
To catch the spirit of hope,
To save one hopeless heart...

Марго обвила руками шею любимого. «Значит, вместе?» – сказали её глаза. «Разве можно иначе?» – также безмолвно ответил Светлов. Их губы слились в долгом поцелуе.

БОЙ С ТЕНЬЮ

Тёмная сила несёт всему дисгармонию и раздражение. Её девиз: “Властвуя, побеждай”, тогда как девиз детей света: “Любя, побеждай”.

Конкордия Антарова.

Кир дочитал последний абзац, закрыл книгу и посмотрел в окно: пора, поезд уже подходит к станции Дачный посёлок.

Набросить на плечо лёгкий городской рюкзачок, выйти на платформу, поглубже вдохнуть воздух родных мест и пуститься в путь среди начинающей желтеть листвы к своему «фамильному поместью». Быстрым шагом дорога займёт минут двадцать. Там, у границы обширного национального парка, находится его творческое пространство, место отдыха с близкими людьми, место раздумий и специальных практик. Старый дом, бережно подновлённый и достроенный по архитектурному проекту сестрёнки, стоит среди высоких сосен, и в те вечера, когда все бывают дома, над обоими входами горят стилизованные под старину фонари, вызывая тёплые ассоциации со сказками Андерсена.

Но безмятежное, радостное настроение в этот раз не владело всем существом путника. Проникшая в сердце тревога сидела там чёрным спрутом и вновь стала выпускать свои длинные, скользкие щупальца. Не сбавляя шага, Кир достал телефон и набрал номер.

– Здравствуй, Влад!

– Привет, Кириуха! – раздался в трубке радостный голос Учителя. – И пусть мне теперь говорят, что телепатия не существует! Я только что сам собрался тебе звонить. Есть важные новости, но сначала – что у тебя?

– Сможешь примерно через час подкачать меня энергией?

– Смогу, – голос Влада моментально стал серьёзным. – Рассказывай, что случилось.

– За Василисой следят...

– Так... Кто следит, известно?

– Нет. Возможно что угодно – влиятельное частное лицо, мафия, какие-нибудь спецслужбы, но в любом случае всё это будет только внешнее, как элемент более сложной, дьявольской игры.

– Кириух, прости мой старческий склероз... – произнёс Учитель после небольшой паузы. – Она ведь по-прежнему в Южной Америке?

– Да, живёт в Буэнос-Айресе, там штаб-квартира фонда Айслер, но сейчас находится в Порту-Алегри, в Бразилии.

– Это что же, на внеочередном соцфоруме? – пробормотал Влад, удивляя Кира нехарактерной для себя осведомлённостью в социальных событиях такого рода. – И там за ней следят? М-да...

– По счастью, в Порту-Алегри с ней находился Рамон, друг её аргентинской подруги, – продолжил рассказывать Кир. – Он сам из Уругвая. Два часа назад должен был заехать за Василисой, чтобы срочно увезти её в Монтевидео и посадить на паром через Ла Плата.

– Заехал?

– Не знаю, номер недоступен.

– Ну, хорошо, дай бог, всё получится, пока остаётся только ждать, – подытожил Влад. – Я потом попрошу Перуанца, чтобы он помог, в случае чего.

– О, это было бы очень ценно, – отозвался Кир.

– Это как раз по его части.

– Не понимаю.

– Потом, – Влад решительно пресёк дальнейшее развитие темы. – Мы с Юльчин скоро будем в Москве, и я всё расскажу подробно, а пока – к делу. Для чего тебе нужна подкачка?

– Это как раз касается Перуанца. Точнее – полученного от него знания. Хочу подняться в Верхний Мир и ухватить проблему оттуда, вот и звоню за поддержкой.

– Что ж, действуй, – после короткого раздумья сказал Учитель. – Ты где находишься?

– У себя в Дачном, иду от станции.

– С Альтаиром связывался?

– Пока нет.

– И не отвлекайся, я сам им позвоню. Как дойдёшь до дома, первым делом постарайся успокоиться, выполни комплекс или бой с тенью, как сам чувствуешь... – Влад говорил неторопливо, донося до сознания Кира каждое слово. – Тебе нужно выплеснуть беспокойство. Потом действуй. А мы для тебя совместную подпитку устроим: мы с Юльчин и ребята в Альтаире.

– Спасибо, Влад!

– Не за что, Кир. Мы ведь любим тебя, и твою ведьму любим. Кстати, когда познакомишь?

– Когда вернётся, – ответил Кир, чувствуя, как теплеет на сердце.

– Значит, терпеливо ждём. Я звоню ребятам. Всё будет хорошо, удачи!

– Спасибо! Привет Юльчин!

Попрощавшись, Кир убрал телефон в карман и перешёл на бег.

Дома он быстро переоделся в «гунфуйку» – свободные штаны из плотной чёрной ткани и такую же безрукавку на голое тело, с поясом, схватил со стены свой «кельтский» меч и босиком выскочил во двор, где около получаса самозабвенно рубил влажный осенний воздух, сражаясь со всеми своими тенями и страхами разом. Затем, ополоснувшись под душем и утолив жажду кружкой кваса, переоделся в домашнее, сел на коврик и приступил к упражнению «Малая смерть»...

Прямо перед ним на расстоянии вытянутой руки возносилось исполинское Мировое дерево, и Кир шагнул в его светящийся ствол. После стремительного подъёма в мощных восходящих токах он оказался на краю большого облака. Позади, на самых верхних ветвях Дерева, важно расселись совы – их силуэты со светящимися жёлтыми глазами темнели в разлитых вокруг сумерках. Кир встретился взглядом с Хранителем – высоким и смуглолицым, в тёмно-красном пончо – и мысленно произнёс: «Позволь мне войти в Верхний Мир, это очень важно для меня». Страж с готовностью посторонился, и впереди распахнулась светящаяся дорога, по которой навстречу Киру уже спешили Небесные родители.

Да, это были они... Парадокс, неразрешимый для линейного сознания: его Небесные родители сами пока не родились в том мире, где жил Кир, и только через тысячи лет, ещё будучи людьми, они полетят осваивать новую планету. Но здесь, в Верхнем Мире перуанских индейцев, нет времени, и прошлое сосуществует с будущим.

Встретившись на светящейся дороге, они обнялись втроём, их окружила серебристо-белая световая колонна, и Кир ощутил, как его сердце наполняется благодатью...

Да, здесь не было времени, но «снаружи» продолжался его таинственный ход, отголоски которого проникали сюда отдалённым шумом дождя. И этот шум становился всё настойчивее. Матушка подняла лицо и обернулась к Киру: «Тебе пора спешить, твоей любимой нужна помощь». «Корабль ждёт», – сказал Мир, указывая головой направление. «”Жук”?» – догадался Кир, и Мир Атам улыбнулся в ответ.

На левое запястье Кир надел серебряный браслет с крупными зелёными камнями, сел за штурвал, положил слева от пилотского кресла свой кельтский клинок и взмыл в ночное небо. Струи ливня ударили в стекло блистера, стремясь прижать дерзкого пилота к земле, но Кир прорвал их тугой занавес и поднялся над облаками. Их косматые гребни окрашивались отблесками молний, но здесь, наверху, царила Великая тишина, нарушаемая

лишь шёпотом звёзд. Верхний Мир остался позади, вокруг расстилались другие, неведомые пространства. Кир догонял ушедшее за горизонт солнце.

Облака внизу начали редеть и вскоре совсем истаяли, багровым заревом вспыхнул горизонт, и на фоне зари вырос и стал приближаться тёмный силуэт старинного города на склонах большого холма. Всё в этом городе дышало тревогой: погружённые во тьму очертания зданий с островерхими крышами, безмолвные громады сторожевых башен, корявые ветви старых деревьев, шпиль собора, пронзающий зловещее зарево на горизонте. Кир чувствовал, что город покинут жителями совсем недавно в преддверии неминуемой беды.

Он закинул меч за спину и, оставив «жука» в закрытом дворике, подбежал к чугунной калитке в каменной ограде. За калиткой оказался тесный проход между глухими стенами домов, а дальше начинался ступенчатый подъём к вершине холма, где рядом с собором высилась узкая круглая башня с зубцами – остаток древней цитадели. Буквально взлетев наверх, Кир оказался на широкой площади и увидел с противоположного края две светлые фигуры. Молодая женщина и мальчик, держась за руки, спешили по направлению к собору. Они не искали спасения в храме, им нужен был путь в небо, куда вела винтовая лестница внутри башни. А по краям площади уже появились преследователи. С белёсыми крестами на чёрных плащах и капюшонах, они смыкали ряды, оцетиненные острыми, как хирургические ножи, алебардами. От них на инфразвуковой частоте катилась леденящая волна ужаса. Кир мгновенно понял: вот он, если не подлинный, то символический портрет инквизиторов, душителей и мучителей, настоящих врагов рода человеческого! Это они охотились на ведьм, калечили всё прекрасное и теперь преследуют очередную жертву. Кир заскрежетал зубами и схватился за рукоять меча.

Женщина с ребёнком находились уже около башни. Василиса (а это была она) обернулась в сторону преследователей и, собрав последние силы, повела ладонями, выставляя защитный световой экран. Мальчик – на вид ему было лет шесть – помогал маме движениями рук. На какое-то время экран сдержит врагов.

Кир сразу понял, что не успеет подогнать «жука» – слишком поздно. Значит – скорее к ним! «Держитесь, я рядом!» – он бегом пересёк площадь, ощущая, как за спиной смыкаются ряды врагов, и через несколько секунд уже тянул на себя тяжёлую дверь в основании башни, пропуская вперёд мальчика и Василису. У них оставалось ещё около минуты. «Вот для чего был нужен браслет!» – понял Кир, сдёргивая его со своей руки и надевая на запястье подруге. Вновь, как раньше, зелёным засветились глаза ведьмы. Теперь ей хватит сил подняться в небо и взять с собой сына. Этот мальчишка с большими карими глазами, как у той девочки, что привиделась ей в самолёте, в их мире ещё не родился. Но когда-нибудь – она это знала точно – он появится на свет, чтобы быть счастливым.

– А ты? – с тревогой спросила Василиса, неотрывно глядя Киру в глаза.

– Мне друзья помогут задержать преследователей, пока вы подниметесь. Как только вы улетите, враги отступят.

Кир прижал к себе любимую порывисто и нежно, поцеловал в губы, затем обернулся к мальчику и дружески стиснул ладонью его плечо:

– Береги маму, Маленький Принц!

И, отстраняясь, почти крикнул обоим:

– Всё! Уходите скорее!

Сверху лился неровный свет закреплённого на стене факела. «Позиция удобная, – отметил про себя Кир, становясь на ступени лицом к входной двери и извлекая клинок, – здесь им не поможет численное превосходство. Лестница закручена по часовой стрелке, значит, оружие нападающего (если он правша) будет задевать за внутреннюю стену...»

Первые ряды преследователей ворвались в башню. Но именно в это время пришла помощь – друзья в Альтаире, дистанционно руководимые Владом, слали ему свою сконцентрированную силу. О, это ощущение лёгкости и неуязвимости! Кир увернулся от

алебарды, направленной ему прямо в горло, парировал мечом другую, нацеленную в живот, и стремительно сократив дистанцию, нанёс два молниеносных удара – налево и направо. Два противника рухнули, остальные попятились.

– Кто-нибудь ещё? Нет? – обворожительно улыбнувшись, Кир снова отступил в лестничный проём.

Вторая атака была ещё более яростной. Отражая удары, Кир отступал, поднимаясь по ступеням. Он не чувствовал ни боли, ни усталости, он был недосыгаем для врагов, не способных прорваться сквозь его защиту, но их плотная масса оттесняла его всё выше. Вот и первый факел!левой рукой Кир выхватил его из гнезда в каменной стене и швырнул в нападающих. Затем, пользуясь их мгновенным замешательством, сделал глубокий выпад, держась свободной рукой за очень кстати подвернувшуюся железную скобу. Короткий, хлёткий удар лезвием клинка в уязвимое место – и ещё одна фигура в чёрном покатила по ступеням, гремя костями и доспехами.

Кир отступил до первой горизонтальной площадки. Здесь оказалось просторнее, чем на ступенях, и чтобы не давать противнику преимущества, он перебежал к следующему лестничному проёму. Но преследователи внезапно прекратили натиск и потеснились по сторонам. На противоположном краю площадки выросла очень высокая фигура в длинном чёрном плаще. Её голова, увенчанная тёмной зубчатой короной, касалась свода («больше двух метров», – прикинул Кир), черты лица скрывала тень, но недобрый властный взгляд Кир ощущал на себе отчётливо.

– Уйди с дороги, джедай! – отрывистый голос венценосца прозвучал насмешливо. – Эта игра тебе не по силам.

Кир отрицательно покачал головой. Противник помедлил.

– Послушай меня, упрямец! Ни твоей ведьме, ни её сыну ничто не угрожает. – Он сделал шаг вперёд, но Кир предупреждающе поднял клинок, и противник остановился. – Мне нужен ребёнок от неё, не этот её сын, а другой, мой, с его помощью я получу по праву принадлежащую мне власть над миром.

«Какой типичный сюжет! – с неуместной весёлостью подумал Кир. – И ведь не могли придумать ничего более остроумного, – он продолжал с интересом рассматривать противника. – Нет, лица не разглядеть, а жаль». Венценосец продолжал монолог:

– Ей даже не понадобится вынашивать моего ребёнка, он появится сразу после соития, и ведьма со своим сыном сможет отправляться на все четыре стороны. Я даже смогу сделать так, чтобы она навсегда осталась твоей. Хочешь?

– Ты не пройдёшь, – негромко, но спокойно и твёрдо произнёс Кир.

Клинок венценосца полыхнул багровым отсветом. Ну и силища! С каждым ударом Кир ощущал парализующую боль, как будто его било током, но он только сильнее стискивал зубы и продолжал биться, закрывая проход наверх. Пламя факелов погасло, и только две молнии – белая и багровая – сшибались в темноте узкого пространства винтовой лестницы.

Кир чувствовал, что нужно продержаться ещё совсем немного, дорогие ему люди уже там, наверху. Вот Василиса поворачивает большое бронзовое колесо, и тяжёлая крышка верхнего люка башни распаивается навстречу звёздам. Всё, спасены! Взвываясь за руки, мама с сыном взмывают в недоступное врагам небо, и встречный ветер начинает овеивать их лица.

– Не боишься? – спрашивает ведьма.

– Нет, мама, – отвечает Принц.

– Я горжусь тобой! – прямо на лету она целует мальчика в лоб. Затем, закрыв глаза, присоединяет свой волевой посыл к общей помощи Киру...

Чёрный венценосец отступил. Вслед за ним, подобно подхваченным ветром сухим листьям, унеслись вниз по лестнице преследователи, пересекли площадь, прошелестели по каменистому спуску и навсегда покинули город.

«Всё? Так просто?» – спросил себя Кир и, уловив в наступившей тишине далёкий гул моторов, сам себе ответил: «Нет, ещё не всё». На пределе отчаяния из-за страха не успеть он взбежал на верхнюю площадку башни и глянул в серое предутреннее небо. «Как в старых фильмах про войну», – машинально отметил Кир, а на город уже катилась первая волна бомбардировщиков. Снова кресты – на этот раз на крыльях. И противосолнечные свастики на хвостах. «...Мы помним, как солнце отправилось вспять...» – повинувшись внезапному озарению, Кир взбежал по ступенькам на возвышение по центру площадки, напоминающее рулевой мостик корабля, и налёг на оказавшийся там штурвал – четыре румба по ходу солнца. Сместились невидимые грани пространств, бомбардировщики остались в другом измерении, их смертоносный груз обрушился в пустоту...

Кир стоял на мостике, с наслаждением подставив лицо ласковым лучам весеннего солнца. Оказывается, город располагался на берегу морского залива, и полумесяц береговой линии соприкасался в своей средней части с подножием холма. Большой трёхмачтовый корабль входил в порт. Белыми полотнищами парусов он улавливал малейший ветерок и, подобно пёрышку в весенней лужице, легко скользил по едва тронутой рябью поверхности залива. Город приветствовал корабль салютом из старинной чугунной пушки.

Услышав за спиной знакомый ровный гул, Кир обернулся и увидел, как на мостик плавно опускается его «жук».

– Принц! – Кир шагнул навстречу широко улыбающемуся юному пилоту. – Здравствуй! Как ты вырос!

– Мы с ребятами играли в вольных стрелков и нашли во дворе твою машину, – пояснил одиннадцатилетний Принц. – Я им сказал, что знаю, чья она, и подогнал сюда. Я ведь правильно сделал?

– Конечно, спасибо!

– Тогда полетели в порт, сейчас все бегут встречать корабль!

– Я с удовольствием, Принц, но у меня была очень трудная ночь, – с сожалением ответил Кир. – Давай в другой раз?

– Хорошо, – с готовностью отозвался мальчик. Он выбрался из кабины, держа в руках прямоугольную доску с закруглёнными углами, похожую на скейтборд, только без роликов.

– Что это у тебя? – поинтересовался Кир.

– Летательная доска.

– Значит, на ней можно летать?

– Да, нужно только правильно встать на неё ногами.

– А не упадёшь?

– Что ты! Здесь надёжная страховка, – со знанием дела ответил Принц. – Хочешь попробовать?

Кир чувствовал себя вымотанным до последней степени, но полетать на доске ему было очень интересно. Кроме того, он не хотел огорчать Принца. Кир выполнил несколько кругов над башней, прислушиваясь к необычным ощущениям. Действительно, упасть с доски было совершенно невозможно: какое бы рискованное движение ни совершал человек, откуда-то всегда приходил ветер, подстраховывая летуна и, если что, принимал его в свои надёжные ладони.

С благодарностью возвращая доску мальчику, Кир спросил:

– Как мама?

– Мама улетела на соседнюю планету, – гордо сообщил Принц. – Там сейчас Большой галактический бал, и её избрали королевой.

– Как здорово! Передавай от меня привет, когда вернётся.

Они светло друг другу улыбнулись, обмениваясь рукопожатиями. Мальчик вскочил на доску, помахал рукой и умчался по направлению к порту. С площади раздался бой часов на старой ратуше – одиннадцать ударов. «Хорошего дня тебе, Принц», – проговорил про

себя Кир и сел за штурвал «жука». Он набрал высоту и взял курс на сверкающие вдали горные пики: где-то там начинался Верхний Мир.

Кир сделал глубокий вдох и открыл глаза, затем рывком поднялся, посмотрел на циферблат на стене и издал удивлённый возглас – прошло больше четырёх часов. Он подлетел к столу, включил компьютер и набрал в скайпе телефонный номер Василисы.

– Как ты, ненаглядная? – спросил Кир, как только услышал в наушниках её далёкий голос.

– Нормально, Кир. Мы едем с Рамоном, от преследования оторвались.

– Вот прямо преследование было?

– Да, громадный джип с затемнёнными стёклами. Но когда мы отъехали подальше от города, я вспомнила, как однажды мой преподаватель говорил мне во время танца: «¡Venga! ¡Dame tu energía, mujer!»¹...

– Да-да, помню, ты выдохнула, и колонки грохнулись на пол, – подхватил Кир. – А что произошло на этот раз?

– У преследователей лопнуло колесо.

Оба залились весёлым смехом.

– Сейчас мы смеёмся, – говорила Василиса. – А сначала меня бил колотун, пока Рамон, наш транкило², так, знаешь, лениво не заметил: «Да с тобой опасно иметь дело, охос вердес³!» И вот тут меня пробило на нервный хохот...

Последовал новый взрыв дружного смеха. Потом, уже серьёзно, Василиса продолжила:

– Но это было не всё. После такой встряски меня сморил сон, ведь я ещё и устала страшно за ночь. Я выключилась прямо в машине и продолжала уходить от преследователей, причём со мной был мой сын. За нами гнался кто-то, его называли Чёрным Императором, и он хотел, чтобы я ему родила ребёнка, для власти над миром. А ещё с ним было много страшных людей с длинными, жуткими топорами... – Василиса остановилась, потом быстро произнесла:

– Ты ведь был там.

– Да.

Снова возникла пауза. Затем Василиса спросила:

– А раньше у тебя получалось проникать в сны других людей?

– Ни разу. Просто я знал, что тебе нужна помощь, и отправился за советом в Верхний Мир, как меня научил Влад, а его – Перуанец. Ведь то, что мы там видели, отвечает каким-то событиям в этом мире.

– Ты мне здорово помог, спасибо.

– Спасибо друзьям. Больше погони не было?

– Нет. От границы нас сопровождает полицейская машина. Молодой симпатичный офицер сказал, что у него приказ охранять нас до самого Монтевидео. Потом увидел меня и добавил, что для него счастье охранять такую красивую женщину. Представляешь, он оказался любителем наших старых фильмов, и утверждает, что я очень похожа на Анастасию Вертинскую.

Они снова весело засмеялись. Потом Кир произнёс:

– А всё-таки любопытно, кто отдал такой приказ.

– Понятия не имею. Просто ты не зря поднимался в Верхний Мир...

В наушниках негромко звучало дорожное радио, а по эту сторону слышался отдалённый шум электрички. Где-то недалеко залаяли собаки – по-видимому, сосед вывел на прогулку двух своих лабрадоров.

1 «Ну же! Дай мне свою энергию, женщина!» (исп.).

2 Tranquilo – спокойный (исп.).

3 Ojos verdes – зелёные очи (исп.).

– У тебя там собаки, – тепло произнесла Василиса. Она любила собак.

– Да, очень симпатичные пёсики, как-нибудь познакомлю. Успеваете сегодня на паром?

– Успеваем. Рамон говорит, паром отходит только вечером, и мы ещё побродим по Монтевидео. А к ночи я буду в Байресе, – сказала она мечтательно. – Высплюсь, завтра встретимся с Кларой, обработаем мои материалы по форуму – я на русском, она на испанском. Потом пойду к учителю, а вечером – танцевать.

– Ты знаешь, Лúса, я ведь ещё в детстве мечтал побывать в Буэнос-Айресе, мы тогда обсуждали с Виком, в какие города и страны хотим поехать. Потом это как-то забылось, и вернулось только после встречи с тобой.

– Ты раньше об этом не говорил.

– Мне это казалось настолько естественным, что не требовало слов. Как будто бы ты об этом и так знаешь.

– Значит, ещё побываешь.

– Обязательно.

– Ты когда в Чили летишь?

– В ноябре. Оттуда до Байреса не так уж далеко... Мне бы ещё с тобой увидаться.

– Там видно будет, Кир. Я с радостью, но пока сама не знаю, где буду находиться, и ничего не могу тебе обещать.

Они снова помолчали.

– Ну что, будем прощаться? – снова заговорила Василиса.

– Давай. Удачи тебе и солнца!

– Спасибо... И тебе!..

Кир включил телефон и принял сообщение о двух звонках от Влада и короткую «телеграмму» от Иринки: «Как дела? Мы волнуемся». Влад с кем-то разговаривал, и Кир вызвал Альтаир.

– Привет, Вик!

– Привет, Кир! Как у тебя?

– Всё в порядке, поле боя осталось за нами, причём на разных уровнях реальности.

– С тебя подробный рассказ.

– Обязательно, но только не сейчас. Завтра у меня институт, потом ученики. А послезавтра вечером буду в Альтаире.

– Отлично. Наши ребята успеют смонтировать фильм, который мы сняли на Алтае, устроим показ. Я расскажу по истории тех мест, Эля споёт новые песни. Ну а вечером школьников отправим спать и тебя послушаем.

– Спасибо вам огромное за помощь. Как это было?

– Мы собрались у Марго всемером...

– Так... Марго, Алексей, вы с Элей, Иринка...

– Вчера Володя успел вернуться из Новосибирска, и Лара здесь.

– Ух, как хорошо! И?

– Сели на полу в кружок, настроились. Влад по скайпу руководил нами, помогал визуализировать образ мощного светового потока в твою сторону. Полчаса поколдовали и разошлись по делам.

– Слушай, Кир, – снова заговорил Вик, вспомнив важное. – Влад и Юльчин через неделю приезжают в Москву, и ему нужно встретиться с нами вдали от городской суеты, глаз и ушей.

– В Альтаире?

– Альтаир не очень подходит. Начнётся учебный процесс, под него всё будет выстроено, лучше собраться в Дачном...

– Прекрасно! Я только за. Через неделю?

– В конце следующей недели. До того Влад родителей навестит, и ещё несколько встреч у него в Москве. Из Альтаира будем мы с Элей.

– Я заинтригован.

– Я, честно говоря, тоже. Там что-то очень важное.

– Да. И это как-то связано с Василисой, как я понял по деталям разговора с ним.

Ладно, договорились, Вик! Привет от меня всем. Женщин нежно целую, мужчинам крепко жму руки, Бурана чешу за обоими ушами. До встречи!

– До встречи, Кир!

Прощавшись с другом, Кир быстро нашёл в сети ту же радиостанцию, что в это время звучала в автомобиле Рамона где-то между Кастильос и Монтевидео. Он выставил динамики на подоконник, распахнул окно и выпрыгнул во двор. Почти стемнело. В клочковатых разрывах облаков мерцали первые звёзды, в верхушках сосен шумел ветер, из динамиков лилась порывистая мелодия...

– Разговаривала с русским другом? – спросил Рамон, продолжая смотреть вперёд.

– Да, с очень близким мне человеком, – ответила Василиса, задумчиво складывая телефон. Пустынная дорога продолжала лететь навстречу.

РЕКОНКИСТА

...В наше время подлинное освобождение может начаться лишь с психологической трансформации.

Мария Луиза фон Франц.

Перед закатом тонкая облачность полностью истаяла, и ночь пришла ясная и прохладная. Она стянула лёгкое покрывало дневного света с обласканной весенним солнцем земли, опрокинув над долиной звёздную бездну. Ветерок колыхал травы и жёсткие злаки, шелестел в листве диких акаций, причудливые силуэты кактусов вырастали из темноты по обеим сторонам дороги. Одиноким дом у подножия темнеющих на севере гор скрылся за перегибом пологого холма. Там, после двенадцати часов, проведённых за рулём, крепко спала Клара, а молодые хозяева дома – Эрнесто и Мария сидели на кухне и, потягивая мате, что-то разучивали под гитару.

Василиса коротко взглянула на собеседника – едва уловимые отблески зодиакального света, остроконечным наклонным конусом вырастающего из-за горизонта на западе, скользили по его серебристым сединам и широкоскулому лицу. Проводив заходящее солнце, они вдвоём теперь прогуливались в наступившей ночи, неторопливо продвигаясь в направлении огней деревни в долине.

– ...Охотники на ведьм активизировались в последние два десятка лет, – говорил Андрес. – В своё время силы Тьмы также отреагировали на Возрождение.

– А сейчас? – спросила Василиса.

– Сейчас это реакция на появление детей с развитым интуитивным знанием. Первые из них пришли в твоём поколении, и теперь вы вступаете в пору зрелости. А следом уже подрастают новые.

– Разве такие дети не рождались раньше?

– Рождались, конечно. Но сейчас можно говорить об их новой генерации. Вас стало больше, и вы уже не находитесь в рамках традиционного уклада. При всей вашей самостоятельности и даже самодостаточности, в вас сильно чувство справедливости. Вы умеете добывать нужную информацию, минуя долгое разматывание логических цепочек, а значит, вами нельзя манипулировать. Манипуляторы управляют через интеллект и эмоции, но там, где развито интуитивное понимание, они бессильны. Неслучайно именно сейчас носители древних знаний в разных культурах, от Тибета до Америки, стали распространять прежде хранимое в тайне: в вашем лице появились те, кто способен это верно воспринять и использовать без вреда миру. Так сохраняется дух учений, несмотря на то, что традиционные общества и религии неудержимо разрушаются, утрачивая этику.

Внимание Василисы было полностью приковано к собеседнику. На вид лет пятидесяти, ростом немного выше её, широкий в кости, подтянутый, голос глубокий (в один только голос влюбиться можно), крылья крупного носа трепещут, втягивая аромат весенних трав. Нет, это не рафинированный интеллект – в нём ощущается внутренняя сила. Что о нём писал Кир? Аргентинец, но поток событий занёс в Перу, где обучался у шаманов, отсюда прозвище...

Была и другая, символическая связь. Прямой предок Андреса участвовал в военной экспедиции генерала Бельграно в Перу и вернулся на родину с молодой женой. Они поселились в Тукумане и дали начало славному – теперь это можно было утверждать уверенно – роду Андреса.

– Некоторые из вас, причём чаще девушки и женщины, от природы наделены сильными энергиями, и эти энергии не всегда вам подконтрольны. Неудивительно, что вокруг вас увивается всякая нечисть, – тем временем продолжал Перуанец, возвращая её к недавним событиям. – Те, кому нужно, давно оценили эффективность методов психического воздействия и порабощения. Их называют «тёмные». Среди них есть лидеры

окультистских сект, церковные иерархи, «серые кардиналы» правительств, главы гангстерских организаций. Им нужны такие, как ты.

– Чего они хотят?

– Безусловная власть – вот цель и смысл существования этих людей, хотя они сами всего лишь проводники воли тех надличностных структур, которым служат. Всегда, с неизбежностью, кто стремится господствовать над другими, сам является рабом. «Тёмные» обладают большой психической силой. Кто-то из них осознал, что ты – очень лакомый кусочек, причём не только как красивая женщина.

– Здесь, в Аргентине?

– Нет, тобой интересуются соотечественники. Ты вовремя улетела из дома – здесь их влияние слабее. Хотя очень похоже, что в последний раз были привлечены и местные «специалисты»...

«Может быть, и местные – какая, в сущности, разница, какой национальности коллеги Вильфрида Дерагази!» – вдруг подумала Василиса, вспоминая предыдущую ночь. На этот раз её пытались захватить через эрос – этот могучий вид энергии.

Вчера она была ещё в Буэнос-Айресе. Вернулась домой за полночь, приняла душ, вышла, завернутая в полотенце... Потом, слушая её рассказ, Перуанец невольно улыбнулся, представив себе эту веснушчатую длинноногую северянку со светло-рыжими волосами, завернутую в одно только полотенце. «Раздетая я выгляжу лучше», – озорно заметила себе самой, задерживаясь у большого зеркала, и поразилась густо-малахитовому свечению своих обычно серо-зелёных глаз. Такие метаморфозы всегда происходили с ней на пороге особых состояний сознания, когда границы реальности раздвигались независимо от её воли. «Сегодня что-то будет», – поняла Василиса и шагнула в комнату.

Откуда-то из нижних слоёв психического мира пришёл образ высокого мужчины, чёрные волосы незнакомца оттеняли белизну его лица. «Иди ко мне, женщина», – позвал гость, просканировав её сверху донизу жгучим взглядом бездонных глаз. Образы другой реальности проступили поверх привычных предметов, как при наложении изображений. Боковым зрением Василиса видела обнажённые пары, занимающиеся любовью прямо на полу вокруг, но её широкая кровать была свободна, и явно предназначалась для них с гостем. «Я не сдвинусь с места, пока ты не назовёшь себя», – ответила ведьма, и видение исчезло, она лишь успела заметить, как лицо незнакомца, прежде чем растаять, исказилось гримасой досады.

Поняв, что время её пребывания в городе сочтено, Василиса собрала вещи и позвонила Кларе – старшая подруга и коллега по Фонду оказалась давней знакомой Андреса и была им предупреждена. Долгая, утомительная дорога заняла остаток ночи и большую часть дня...

– Если есть «тёмные», должны быть и «воины света», – заметила Василиса, вернувшись к окружающей действительности и обратив к Перуанцу испытующий взгляд. Тот кивнул, слегка улыбнувшись, как будто ждал именно такого вопроса.

– Мой друг Владимир Снегов называет их прогрессорами.

– Влад?

– Влад. Он давно собирает необычных и просто талантливых ребят, укрывает от внимания «тёмных» и спецслужб, учит защищаться. Прогрессоры понимают, что у каждого из вас своя жизненная задача, и от того, насколько полно вы сможете выполнить её, зависит будущее.

Они остановились посреди дороги. Василиса не знала точно, что произошло, но когда из деревни впереди раздалась первые гитарные аккорды, её руки сами стянули с развёрнутых плеч широкий шарф, в который она куталась от ночной прохлады. Вступление завершилось, голоса невидимых канторов влились в мелодию аргентинской самбы, лиричной и проникновенной, как русский романс. Сердце молодой женщины порывисто раскрылось навстречу музыке, выплёскивая в рождающийся танец преобразённые эмоции прошлой беспокойной ночи. Будто сменился с вахты стоявший

рядом капитан неведомого фрегата, сошёл с мостика – и теперь, не отрывая взгляда от Василисиных глаз, вступал в круг, на ходу развязывая косынку на шее. «Как он всё это вмещает!» – только и успело полыхнуть молнией в её сознании. Не было больше тревог последних дней и бегства через полстраны, не было ни «светлых», ни «тёмных», ни мировой борьбы – только ночь, звёзды и живая, поющая душа человека напротив...

Танец завершился. С минуту они смотрели друг на друга, продолжая безмолвный диалог, а затем двинулись в обратный путь по дороге. Первым прервал молчание Перуанец.

– Ты очень сильная, ты сильнее меня, – произнёс он. – Но, не научившись управлять этой силой, ты не можешь вернуться. Охотники на ведьм от тебя не отступят.

Василиса лишь молча посмотрела на него, ожидая продолжение.

А Андрес вспоминал...

В далёком семьдесят шестом ему было примерно столько же, сколько ей сейчас. Молодой медик и общественный активист, он бежал из своей страны после жестокого военного переворота, спасаясь от судьбы многих бесследно пропавших. В стрессовой ситуации проявились его способности к внушению, которые оченьгодились во время бегства. Переворот стал для молодого Андреса лишь последней точкой в цепи роковых событий. Мир, едва вздохнув после фашизма, снова начинал погружаться во мрак. Уходили самые светлые – Гагарин, Че Гевара, Альенде, Виктор Хара... люди высаживались на Луне, но по земле расползлась тень реакции.

Андрес очутился в Перу, где стал сельским врачом. Там он встретил дону Карлоса, живого носителя шаманской традиции, и тот помог ему вновь обрести себя. Ведь чтобы спасти мир, нужно сначала найти в нём подлинного себя, говорил дон Карлос...

– Когда-то давно я был вынужден укрыться в лесах по ту сторону высоких плоскогорий альтиплано, – снова заговорил Андрес, поворотом головы указывая на север. – Там, вдали от цивилизации, я нашёл в глубинах своей души утраченное в жизненных перипетиях знание. Похоже, теперь этим путём предстоит пройти тебе.

Да, он прав, этот ученик шаманов, другого пути ей не осталось. Но разве она сама не мечтала о таком путешествии? Запрокинув голову, Василиса унеслась в звёздную бездну, где различила собственный силуэт: ведьма с развевающимися волосами, летящая вдоль Млечного Пути. Все прошлые тревоги казались просто прелюдией к сказке, что начиналась прямо сейчас. Друзья в Альтаире и Кир, Влад, Перуанец, Клара – эти светлые люди как будто бы взяли за руки, оградив её от враждебной силы, и теперь Василиса, пока ещё смутно, начинала видеть себя частью их узора...

В дверях их приветствовал чернобородый Эрнесто, одетый в футболку с портретом своего знаменитого тёзки.

– Руса, – обратился он к Василисе, – Мария тебе постелила наверху. Но сначала зайдёте к нам? Мы споём для вас кое-что новое. Просто родилась мелодия, и слова сами легли.

– С удовольствием! – обрадовалась Василиса.

– Конечно, че, но только одну песню, – добавил Андрес. – Завтра нам с Русой в дорогу.

Утром они отправились в путь, который занял семь дней. Машину вёл Перуанец.

Плыли навстречу пёстрые долины, разделённые горными отрогами. Кордоба, Ла Риоха, Катамарка, Тукуман – звучные имена провинций ласковой музыкой отзывались в душе путешественницы. Вечером они остановились на родине Андреса и стали героями сельского праздника, а в начале следующего дня снова мчались на север.

Остались позади виноградники Сальты, ближе подступили разноцветные обветренные горы, дорога взбиралась по склонам, петляла между отрогов, выползая на сухие плоскогорья. Впереди лежала Боливия. В общении с местными жителями Андрес

перешёл на язык кечуа. Василисе охотно отвечали по-испански, с весёлым удивлением глядя на высокую светлокую путешественницу и, словно музыкой, наслаждаясь её необычным произношением.

На четвёртый день Василиса увидела высокогорное озеро, овеянное легендами и хранящее память былых эпох. Титикака – Каменная Пума. Обрамлённый скалистыми берегами, южноамериканский брат Байкала, говорят, с высоты действительно напоминает очертаниями кошку, сидящую на задних лапах. Индейцы здесь до сих пор строят лодки и целые плавающие острова из тростника, как строили и во времена империи Инков, и до неё. Сильный ветер плоскогорья поднимает рябь на бескрайней водной поверхности, но в минуты затишья она становится зеркальной и отражает далёкое небо в кучевых облаках и горы. Перу.

Длящийся пейзаж, стаи розовых фламинго на мелководье боливийских и перуанских озёр, мимолётные встречи – музыкальный мотив дороги. Кондор, парящий в густой синеве вестником иного мира, и нескончаемый поток разноязыких туристических групп в Куско и Мачу-Пикчу, инкском городе среди облаков. Вечность и суэта сиюминутности...

Но вот мотив всё заметнее стал меняться. Отступало высокогорье, навстречу по склонам поднимались джунгли. Поздним вечером седьмого дня дороги путешественники достигли деревни на берегу небольшой реки, и наутро молодой индеец повёз их на моторной лодке куда-то вглубь зелёного континента. Нависающая над водой листва всё более смыкалась, образуя свод, яркие, диковинные цветы складывали живую многослойную мозаику, в зарослях по обоим берегам стоял нескончаемый птичий гомон. Время снова изменило свой бег.

Василиса перестала считать дни. Судя по Луне и по внутренним циклам, пошёл второй месяц, как она жила в этой деревне, затерянной среди джунглей. Сколько их здесь, в верховьях бассейна Амазонки, таких изолированных от большого мира уголков с домами на сваях? Она уже привыкла к горластым попугаям разных видов и расцветок, к нахальным обезьянам и даже к ночным полчищам комаров. Ей нравились грациозные туканы, невиданное разнообразие цветов и бабочек радовало взгляд. В плотной тени исполинских деревьев можно было свободно разгуливать – растительность здесь отсутствовала, и только покрытая листовым опадом влажная почва пружинила под ногами. Но всюду, куда проникало солнце, непроходимые заросли преграждали путь и не давали сойти с тропы. Жители говорили, что в лесу водятся ягуары, но встреч с людьми избегают. А жаль, думала бесстрашная Василиса, вспоминая летние прогулки с юным племянником в московском зоопарке и восхищавшую их чёрную пантеру Мелани.

Каждое утро, когда от водопада возвращался Андрес, тем же путём уходила Василиса. Она отстраняла рукой свисающие над тропой ветви и, стараясь бесшумно скользить среди дневной симфонии звуков, цветов и ароматов, шла к гладким скальным выходам. По ним весело сбегали чистые, напоённые солнцем потоки, и радуги висели в пелене водяных брызг. Сбросив одежду, ведьма окуналась в большую «купель», запруженную камнями, подплывала под тугие струи, ощущая, как тело покидают остатки сна, и оно наполняется упругой силой. Затем, обсохнув и расстелив коврик, приступала к упражнениям: дыхание, разминка, растяжка, силовые и в конце – специальные упражнения на ощущение энергии, которым её обучил Перуанец.

Днём Василиса помогала женщинам по хозяйству, а вечерами вела долгие беседы с Андресом. Ночь наступала мгновенно, и от стены джунглей, колышущейся в пятнадцати метрах в свете костра, начинал исходить, стремительно нарастая, фантастический звуковой фон.

За несколько дней до полнолуния настала черед ночей, когда Андрес стал погружать Василису в гипнотический транс, и ведьма пускалась в исследование потаённых закоулков собственной души.

– Никакой мистики, Руса, – говорил он, зажигая курящиеся палочки, дым которых отгонял москитов (эти сеансы проходили на «веранде», как Василиса называла открытую часть дома). – Нижний мир – это наше подсознание, это мир нашей инстинктивной природы. Туда мы отправляемся, чтобы соединиться с источниками силы, там встречаемся с существами, которые, по сути, просто разные аспекты нашей души. А Верхний мир – это мир Духа, там мы общаемся с духовными Учителями, каждый со своими...

Василиса вызывала перед внутренним взором образ светящегося дерева, проникала в его ствол и уходила к корням. «Мы все подобны этому дереву, – понимала она краем сознания, – через корни мы связаны с Матерью-Землёй. А кронами мы тянемся ввысь, обнимаем небо, целуем звёзды и соединяемся с космосом».

В Нижнем мире тоже рос лес, но другой – лес её родины, её внутренний Эдем. Здесь зеленели дубравы, солнечные сосны возносились в небо, кое-где уступая место могучим тёмным елям или светлым берёзам, а поляны зарастали ромашками. Здесь Василису сопровождала высокая статная женщина в длинных белоснежных одеждах. Её чёрные косы в руку толщиной лежали вдоль стройного стана, ладони были сухие и тёплые, а глаза казались колодцами в ночь. В ней Василиса узнала хранительницу своего рода.

В Нижнем мире Василиса нашла подземную темницу, вход в которую скрывался у подножия лесного кургана, и освободила из долгого заточения юную танцовщицу. На дне неглубокого прозрачного ручья путешественница разыскала изумруд, а в последнем странствии в Нижний мир встретила огненно-рыжую волчицу, которая обернулась женщиной.

– Я ждала тебя, ведьма, – сказала та. – Она приблизилась, обняла Василису за плечи, окутала длинными волнистыми прядями своих багряных волос. Её чуть тронутое бронзовым загаром лицо светилось красотой женщины зрелой и мудрой, глаза сияли азуритовой синевой. Василиса ощутила, как энергия женщины-волчицы вливается в неё, как тепло, возникающее где-то внизу живота, распространяется по телу.

– Кто ты, Рожа⁴? – спросила её Василиса.

– Я – это ты знающая, твоя инстинктивная природа, вновь встретившаяся с тобой, – был ответ.

– Тогда скажи, что я могу сделать для тебя.

– Просто всегда помни обо мне, даже когда снова окупёшься в городскую суматоху, и доверься мудрости жизни.

Текли дни. Андрес о чём-то беседовал со старым знахарем, который однажды вечером появился из леса. Василиса чутко вслушивалась в жизнь, стараясь уловить в ней какой-то неясный зов, и всё больше времени предпочитала оставаться одна. Наконец настал момент, когда она отчётливо поняла, что может и хочет вернуться в большой мир, и срок её нахождения в джунглях неудержимо подходит к концу.

– Необычное ощущение – будто я с незапамятных времён живу на свете и знаю о жизни очень много. А ведь мне всего двадцать пять, – говорила она Андресу, в то время как тот просветлённым взором смотрел на крупную, с ладонь, ярко-синюю бабочку, опустившуюся Василисе на обнажённое плечо.

– Завтра мы поедem обратно, – ответил Андрес. – Но перед возвращением тебе нужно посетить Верхний мир, чтобы увидеть свой путь.

В Верхний мир Василиса поднималась через крону светящегося дерева. Прямо под ногами там клубились облака, справа и слева над ними высились жемчужные горы, а в небе кружил белый орёл. «Возьми меня с собой, моя птица, – прошептала Василиса. – Отнеси меня туда, где есть только любовь и свобода, научи меня парить вровень с небом!» Орёл спустился, плавно рисуя в воздухе большие круги, бережно подхватил

ведьму и вновь стал набирать высоту. «Отсюда всё суетное и мелкое становится неразличимым и исчезает, – говорил он, когда они медленно плыли среди лёгких облаков в восходящих воздушных потоках. – Возвращаясь в мир повседневности, сохрани в себе это знание».

Орёл отнёс её на широкий скальный уступ, где ведьма беседовала с автором любимых с детства книг. Они говорили о любви, о той любви мужчины и женщины, которая открывается в совместном пути. Затем она увидела солнце, встающее из океана, и услышала прощальное напутствие Учителя:

– Иди к Солнцу!

К восходу протянулась дорога – широкая и прозрачная, будто сделанная из стекла, так что изумрудные волны катились прямо под ногами. На пути, в лучах поднимающегося светила, Василису ждал тот, кого она назвала Маэстро. Их глаза цвета океана встретились, и через минуту он и она соединились в танце над бездной. Плотный световой вихрь выросал вдоль позвоночника, охватывая всё тело и вызывая в нём сладкую дрожь. В следующий момент телесные границы пали, и ведьма ощутила космическое единство со всем миром, пронизанным божественной энергией любви.

В ту же ночь Василиса записала в своём блокноте при слабом свете карманного фонаря: «В годы, когда дьявол находится в голове, когда рассудок, возмнив себя единственно ценным в человеке, стремится истребить живую душу, вместо того, чтобы служить ей – я могу через танец возвращать людям полноту чувств. На этом пути меня ждёт мужчина, не просто друг или любовник, а тот, с кем вместе мы будем творить новый мир. Значит, до скорой встречи, зеленоглазый Маэстро!»

На свет прилетел крупный мохнатый мотылёк и с сухим шелестом сел на страницу. Василиса полюбовалась ночным гостем, затем осторожно подула на него, прогоняя, закрыла блокнот и, забравшись в гамак под противомоскитным пологом, погасила фонарь. Через минуту она уже сладко улыбалась во сне...

Ей снился летящий к Земле корабль и доставивший её на борт звёздный волк Акела. «Оставляю тебя с твоими сёстрами и братьями, – говорил он. – А мне пора, далеко отсюда в пространстве и времени меня ждёт Анита». «Спасибо тебе, друг, – отвечала Василиса. – Передавай Аните привет от ведьмы двадцать первого века». Улыбнувшись, Акела ответил: «Я передам ей привет от ведьмы века Сингулярности, так Аните будет понятнее».

На следующее утро Перуанец и Василиса отправились в обратную дорогу. В деревне, где Андрес оставил машину, их застал первый сильный ливень. Начинался сезон дождей.

EL CIELO Y TÚ

No me repitas ese adiós...
que esto lo sepa sólo Dios,
el cielo y tú...⁵

Héctor Marcó.

Внизу грохотал прибой. Волны Тихого океана размеренно ударяли в подножие великих гор и гулко разбивались об его чёрные скалы, закручивая возле них яростные буруны. Брызги взлетали к высокому парапету, на котором чуть поодаль от других экскурсантов стояли Кир и Алексей. Удобно облокотившись об ограждение, друзья смотрели вслед исчезающему в океане солнцу. Их последний вечер в Чили неумолимо перетекал в ночь, с каждой минутой она затапливала западный берег континента, и только вершины Анд над посёлками и городами в долинах продолжали отсвечивать в тёмном небе призрачным золотисто-красным огнём. Примерно через два с половиной часа закатные лучи окрасят каменные изваяния острова Пасхи, и семь из них – те, что обращены к океану, отправят вместе с солнцем свой ежевечерний привет островам Полинезии, азиатским берегам и вулканам Камчатки.

С наступлением темноты вдоль дороги зажглись фонари. Экскурсанты потянулись к автобусу. Алексей поднял руку, привлекая общее внимание к яркой звезде, которая быстро пересекала небосклон в восточном направлении. Международная космическая станция, как зримый символ объединённого человечества, продолжала полёт вокруг планеты...

Когда друзья заняли места в салоне, Кир продолжил прерванный ранее разговор:

– Итак, Лёш, «фактор икс» найден. Обнаруженный тобой сигнал со звездолёта теперь ловят по всей Земле, и это ускорило многие социальные процессы.

– Этот фактор был найден ещё в семьдесят седьмом году, – ответил Светлов⁶.

– Тогда сигнал не повторился, и о нём тихо забыли, – возразил Кир. – Теперь нам больше повезло. Ты, скромная наша знаменитость, был одним из немногих, кто, во-первых, знал о сигнале семьдесят седьмого года и, во-вторых, был убеждён в том, что он отправлен с межзвёздного корабля. Этой твоей убеждённостью и объясняется то чудо, которое я никак не мог себе объяснить.

– Какое чудо?

– Чудо в том, что гостей из космоса засекли не в Аресибо или Грин-Бэнке и не в службе радиоразведки какой-нибудь державы. На всей планете первым это сделал именно ты, простой русский астроном, несмотря на все меры, принятые родным государством для уничтожения фундаментальной науки!

Алексей от души рассмеялся.

– Вселенная знала, кому первому позволить увидеть гостей, – продолжил Кир. – И согласись, – прибавил он уже серьёзно, – если мы, как человечество, убеждены в населённости и гуманности космоса, то это совершенно иначе воздействует на нас через подсознание, нежели установка на то, что наш нынешний мир – единственно возможный.

– Конечно, соглашусь. Но ты же понимаешь, что дела своей планеты нам решать самим, независимо от того, летит к нам кто-то или не летит.

– Естественно! Важно само осознание того факта, что мы не одни. Влад так вообще сказал, что звездолётчики пошлют нам какую-нибудь загадку, коан, и этим контакт ограничится. Эпатирует, конечно, чтобы мы не расслаблялись, но он прав, когда говорит, что они там, в космосе, тоже не всемогущи и не могут пройти наш путь за нас. И начинать

5 «Не повторяй мне это прощание... Пусть его знает только Бог, небо и ты...» (исп.) – заключительные строки танго Марио Канаро на стихи Эктора Маркó «Ты... Небо и ты», 1940-е гг.

6 Алексей имеет в виду так называемый «Ого! – сигнал» – космический радиосигнал, зарегистрированный 15 августа 1977 года Джерри Эйманом во время работы на радиотелескопе «Большое Ухо» в Университете штата Огайо в рамках проекта SETI. Характеристики сигнала совпадали с теоретически ожидаемыми от искусственного радиосигнала внеземного происхождения.

здесь нужно с глубокого познания человеческих душ.

– Альтаир как пример для всех?

– Да. Причём не внешнее копирование, не тиражирование деятельности (в нашем случае педагогической), деятельность может быть любой, а наша внутренняя основа объединения. Именно это сейчас слабое звено, а всё остальное, в конечном счёте, только следствие. Ведь социальный прогресс потому и застопорился, что люди так и не поняли, что делать с завоёванной свободой.

– Это ты о шестидесятих годах?

– Да, о времени написания «Часа Быка»...

Прорезая фарами ночь, автобус мчался к Сантьяго. Назавтра друзья намеревались посетить могилу Сальвадора Альянде на Центральном кладбище, а затем отправлялись в аэропорт. Но если Алексей возвращался домой, где его ждали друзья и прекрасная Марго, то для Кира путешествие ещё не закончилось...

Идти по залитой солнцем *Plaza de Mayo*, подставляя лицо тёплому ветру и улыбаясь встречным прохожим. Попытаться заставить себя поверить, что это и вправду происходит с тобой, и, так и не поверив до конца, вскочить в городской автобус, который здесь называют таким родным для русского уха словом «colectivo». Добраться до гостиницы, бросить вещи, принять душ и отправиться бродить по городу. А вечером набраться смелости – и, давно не танцевав, пойти на одну из местных милонг. Здравствуй, Буэнос-Айрес, грёза далёких лет!..

День, ночь и ещё один день пролетели чудесной сказкой. Следующим вечером из Пинамара возвращалась Василиса, и в назначенное время Кир нажимал кнопку звонка на её двери.

– Здравствуй, краса ненаглядная! – успел произнести он прежде, чем подруга обвила руками его шею, крепко прижалась к нему и замерла. Медленно падали секунды, а они вдвоём так и стояли в дверях, не размыкая объятий и слегка покачиваясь в такт льющейся откуда-то мелодии. Наконец, Василиса мягко высвободилась, чтобы закрыть входную дверь, и Кир протянул подруге букет алых, с белыми прожилками, тюльпанов. Её глаза снова просияли, губы тронула радостная улыбка.

– Очень красиво... Проходи.

Она скрылась за поворотом коридора, на ходу прихватив с полки вазу светлого тонкого стекла.

В гостевой комнате, соединённой с кухней, Кир расположился в плетёном кресле у большого окна, отсюда было удобно рассматривать карандашные рисунки цветов, облаков и танцующих пар, украшающие высокие стены. Хозяйка протянула ему мате, а сама, достав из холодильника дыню, принялась её мыть в раковине. Занимаясь кухонными хлопотами, она продолжала пританцовывать загорелыми ногами, лишь слегка прикрытыми короткой джинсовой юбкой.

– Знаешь, что общего между женскими ногами и подъёмом по пожарной лестнице? – спросил Кир, любуясь подругой.

– Не знаю.

– И в том, и в другом случае чем выше, тем больше дух захватывает.

Василиса коротко рассмеялась.

Прервав созерцание, Кир поднялся с места и, взяв у хозяйки длинный нож, принялся резать дыню. Василиса открыла дверцы шкафчика, извлекая из него необходимую посуду.

– Как тебе Байрес? Не обманул подростковых ожиданий?

– Не обманул, – ответил Кир, орудуя ножом. – Город, конечно, огромный, но при этом очень человечный, а вечерами просто чарующий. Район Сан-Тельмо – как Петербург летом, вот только пальмы...

– А музыка? Этот город звучит и поёт всегда.

– Звучит, поёт и танцует, – согласился Кир. – Но особое волшебство я видел вчера в Ла Бока, где парень с девушкой танцевали на улице под греческую песню.

– Девушка такая стройная, длинноногая, каштановые волосы до пояса? – быстро спросила Василиса.

– Да, само очарование.

– А он такой чуткий, и очень хорошо ведёт партнёршу.

– Да. Ты их знаешь?

Василиса только улыбнулась в ответ.

Кир поставил на стол блюдо с нарезанной дыней и опустил в кресло.

– Понимаешь, это было не просто красивое танго для туристов, а нечто настоящее, такое... – он запнулся, подбирая нужное слово, – такое гриновское. Их танец мне напомнил то, что ты писала о Маэстро, об его понимании танца вдвоём.

– Тебе она понравилась, – заметила Василиса.

– Кто, девушка? Да, очень.

– Когда у тебя самолёт?

– Днём.

– Жаль, не успеешь познакомиться.

– Значит, в другой раз.

На столе появились сыр и ветчина, которую здесь называют хамон, бутылка «Мальбека» и пара бокалов.

– Когда мне здесь первый раз предложили дыню с хамоном и сыром, я подумала, что разыгрывают, – пояснила Василиса, садясь напротив и удобно вытягивая ноги. – Оказывается, нет, здесь так едят. И ты знаешь, вкусно!

– Понятно, – отозвался Кир, берясь за штопор. – «А хлеба можно совсем не давать».

Оба засмеялись, вспомнив, как они когда-то обсуждали остроумную книгу под названием «Дао Винни Пуха». Кир разлил вино по бокалам, один протянул Василисе, и они чокнулись, глядя друг другу в глаза...

Она изменилась, отметил Кир, стала увереннее, спокойнее и... ещё прекраснее. Но в этой перемене есть что-то, отдаляющее нас друг от друга, и это понятно.

Кир выпил терпкое вино и поставил бокал на столик.

– Ты погрустнел, – тепло заметила Василиса.

– Вдруг ощутил, как будто подошла к концу история, в создание которой вложил всего себя. – Он положил свою ладонь поверх её. – Пока ты искала свой путь, моя поддержка тебе объединяла нас. Но теперь, когда эта цель достигнута, я не могу тебе сказать, как хотел: «Полетели домой, в Альгаире нас ждут великие дела!», потому что твои великие дела – здесь. Для меня это конец прежнего пути.

– Твой путь продолжается, – возразила Василиса, – и наши дороги будут бежать где-то рядом, но не вместе... – Потом она добавила, помолчав:

– Я тебе очень благодарна за всё, Кир... И я к тебе очень нежно отношусь, но это не та любовь, которая бывает в совместном пути.

Кир притянул подругу к себе, целуя.

– И всё-таки, прилетайте к нам вдвоём, – упрямо сказал он. – На Новый год не зову, но на Масленицу – прилетайте. Научите нас, наконец, танцевать настоящую аргентинскую чакареру.

Подруга радостно рассмеялась, возвращая ему поцелуй.

– Мы часто будем прилетать, и научим вас не только чакарере. А теперь – хорош целоваться, давай дыню есть.

С удовольствием жуя сочный ломоть, Кир вновь наполнил бокалы.

– Значит, у него зелёные глаза?

– Как у тебя и у меня, – улыбнулась Василиса. – В клане зеленоглазых прибавилось.

Кир поднял свой бокал:

– За тебя, ведьма!

ЭПИЛОГ

Залив привычно сверкал под вечерним ласковым солнцем и с тихим шипением неторопливо выкатывал на песок слабые волны. Ровная береговая полоса простиралась вдаль, в направлении молодой луны, плывущей в небе прямо над границей земли и моря. По берегу, держась за руки, шли взрослые Анита и Яромир. Они мягко ступали босыми ногами по тёплому песку, сквозь который кое-где прорастали жёсткие стебельки травы, набегающий с залива ветерок дружески трепал путникам волосы, раздувал их лёгкие куртки, полоскал подол Анитиной длинной юбки.

– А что было после? – спросила молодая женщина, обернув к другу лицо и щурясь от ярких солнечных бликов на воде.

– Было возвращение из дальних дорог и встреча друзей вокруг огня Прометея. Было продолжение повседневных трудов и нелёгкого счастья создания нового. И праздники были – праздники, которые они дарили друг другу, – продолжил свой рассказ Яромир. – В предновогодние дни в Альтаире собрались все друзья и добровольные помощники, их тогда называли «волонтёры». Падал густой снег, и они дружно возводили снежные бастионы. А после весёлых игр все отправились принимать первую видеотрансляцию с корабля Предшественников, снег же продолжал падать в тишине большими пушистыми хлопьями...

– А Зеленоглазая прилетела к ним?

– Да, каждый раз, возвращаясь на родину, Василиса навещала друзей в Альтаире. Её судьба счастливая. Будучи, как тогда говорили, человеком мира, она помогла многим людям разных культур найти путь друг к другу.

Не расцепляя рук, они легко перескочили через сбегавший к морю весенний ручеёк.

– После твоего рассказа я лучше стала понимать ту переходную эпоху. – Свободной рукой Анита убрала с лица прядь волос. – В конечном счёте, будущее создали учившиеся любить. И я почему-то уверена, что мы с тобой когда-то давно были там, жили в то сложное время в той стране и тоже любили друг друга.

Обменявшись нежными улыбками, они продолжали свой путь. Впереди уже виднелась круглая башня маяка с закреплённым возле входа старинным чугунным якорем в человеческий рост, одним богам известно, как попавшим сюда. Дальше береговая линия круто сворачивала влево, и залив распахивался морскому простору. Там, за мысом, их ждал готовый к отплытию корабль экспедиции.

2009-2012 гг.